

ЮРИЙ НИКИТИН

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Юрий Александрович Никитин

Проходящий сквозь стены

Серия «Странные романы»

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152823

Никитин Ю. Проходящий сквозь стены: Фантастический роман:

Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-17630-6

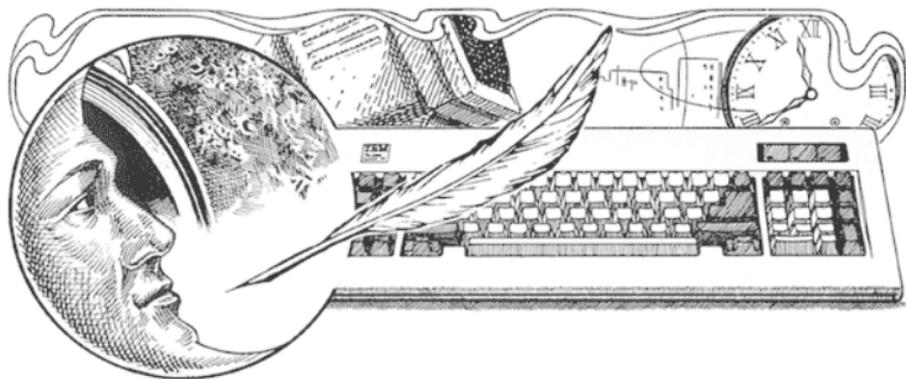
Аннотация

Он старательно качался в спортзале, потреблял гейнеры, тестостерон, глютамин, стремясь побыстрее нарастить мускулы, чтобы наконец раздеться на пляже и пройтись перед девочками у кромки воды. И, как все мы, питался модифицированными продуктами. Которые все модифицированнее и модифицированнее... И вот однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	64
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	92
Глава 10	104
Глава 11	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Юрий НИКИТИН ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Часть I

Глава 1

Мышцы трещат, я с натужным мычанием выжал гантели в седьмой раз, в висках грохочет кровь, морда пылает от прилива крови: качаюсь головой книзу. Правда, угол только шестьдесят, предел для скамьи, на таких кач грудных идет втрое быстрее, чем на стандартной.

Надо только не щадить себя, и хотя всего лишь один подход, но – до упора. Чтобы мышцы горели, а в черепе – грохот разламываемых камнедробилкой бульжников. И до тошноты, именно тогда толчками высвобождается гормон роста, что дает прирост сухой мускульной массы.

Из кухни плывут ароматные запахи, донесся голос мамы:

– Виталик, обед почти готов!

Я крикнул торопливо:

– Уже обедал!

В ответ зашлепали, приближаясь, домашние тапочки. Дверь в мою комнату открылась, мать остановилась на пороге, лицо встревоженное, в глазах скорбь.

– Что ты со своими добавками себя истязает? – спросила она.

– Мама, – пропыхтел я с укором. – Разве истязую?

– Я вижу, – сказала она печально, – какие тяжелые эти штуки.

– Нормальные гантели!

– И эти твои добавки проклятые... Выбросить их, что ли, пока тебя нет? Это ж отравка одна, все соседки говорят. Посадишь печень со своими протеинами-креатинами... Пойдем, я супчику налила. И мясо пожарила. Если хочешь нарастить мускулы – надо больше мяса!

Я кивнул, спорить бесполезно, это только мы, бодибилдеры, знаем, что пришлось бы съесть за сутки мяса сорок килограммов и семьдесят – овощей, чтобы получить все необходимые организму элементы. Вот и заменяем выжимками из этих продуктов, а также всю пользуемся ускорителями, поглотителями, наполнителями.

До конца августа всего пятьдесят девять дней, а я почти не прибавил ни в размахе плеч, ни в объеме груди, а руки как будто еще больше похудели! Через два месяца мы с Мурзом должны мериться бицепсами, а также сравнить нарощенную мускулатуру. Все в присутствии свидетелей, что так ликующе восприняли наш спор, подзуживали, подначивали, из-за чего мы оба поклялись уложиться в такие предельно короткие сроки.

Она печально оглядела двойной ряд солидного вида банок со всякого рода гейнерами, аминокислотами, вздохнула и вышла, я потащился следом. Еще не знает, что внизу в закрытом ящике, который еще и подпер для верности стопка-

ми книг, я прячу гормональные препараты тестостерона, габбы... и даже такие таблетки, как винпоцетин и ацефен. Еще приходится прятать ампулы с аминокислотами и даже гормонами роста, те дают максимальную прибавку в силе и росте мышц.

Из кухни пахнет одуряюще вкусно, ноздри мои затрепетали, в желудке беспокойно завоzilось, тоже как-то учуяло, хыщник внутри нас. Мама поставила передо мной большую тарелку с отбивной, по ней еще прыгают крохотные фонтанчики горячего сока, вокруг парующая гречневая каша, неплохой гейнер, и малость разных травок, источник минералов и некоторых витаминов.

– Руки помыл?

– Помыл, помыл, – заверил я. – Уши и шею проверять будешь?

– В этот раз поверю, – сообщила она вполне серьезно.

Я ел с удивившей меня самого жадностью, отрезал ножом большие куски, ладно, никто не видит нарушения этикета, зубы перемалывают с треском, а мама сидит напротив и смотрит с усталой любовью.

– Ну как?

– Чудо, – промычал я с набитым ртом. – Конечно же, мамочка, ты права!.. Отбивная – это наше все!

– Ну вот, – сказала она счастливо, лицо расцвело, глаза заблестели, – я ж говорила, что мясо для мужчины – самая главная еда. А не эти все новомодные добавки. Их жулики

придумали...

– Да-да, – согласился я. – Телячья отбивная – это главное.

А все остальное... так себе.

– У меня еще ломтик на сковородке. Дать сейчас?

Я махнул рукой.

– Давай. Меньше на ужин останется.

– На ужин я еще пожарю...

– Мама, – сказал я с укором, – на ночь нельзя тяжелого.

Попьем чайку, это в самый раз.

Она подхватила спешно, пока я не передумал. В мою тарелку шлепнулся плоский и еще раскаленный кусок исходящего ароматом мяса. Я принялся за него почти с тем же удовольствием, мама довольно ворковала, все мамы обожают, когда их дети жрут от пуза.

Потом по чашечке кофе, я сам их сполоснул, а мама ушла проверять школьные тетради. Я вернулся в свою комнату и спешно запил сожранное горстью таблеток и капсул. Пусть все это поскорее переварится и освободит место в желудке для более быстро усваиваемых смесей.

После такого плотного завтрака только поспать бы, но я выскочил на площадку, вызвал лифт, а пока тот неторопливо поднимается на этаж, заправил рубашку в брюки и пригладил волосы. В лифте зеркало разбито, хрен что увидишь, а взгляд цепляется за разные свежие надписи, где, кроме деловых предложений ремонта и услуг массажа с последующим

интимом, есть информация, кто кого трахает.

На четвертом этаже кабинка остановилась, с лестничной площадки шагнула Маринка, моя бывшая одноклассница. Она сейчас в десятом, а я уже работаю: маме стало тяжело на ее зарплату школьной учительницы тащить еще и меня.

– Привет, Виталик!

– Привет, Маринка, – ответил я.

Маленького роста, ее взгляд упирается мне в грудь, приходится задирать голову, простое, но очень милое лицо, чистые серые глаза, небольшие четко очерченные грудки под дешевенькой кофточкой, приветливая улыбка. В ее доверчивых глазах я увидел понимание и сочувствие. Ее семья тоже не блещет достатком, но работают отец и мать, хватает, чтобы досодержать ее еще два года, пока закончит школу. А я вот неудачник, пришлось бросить школу, чтобы помогать маме.

– Как служба? – спросила она.

– Служат собачки, – ответил я солидно, – а я работаю.

– Работаешь, – сказала она с уважением в голосе, – значит, уже взрослый. И как, понравилось быть взрослым? Свой миллион уже заработал?

– А ты стала отличницей по математике? – отпарировал я. – Это так же просто! Наверное, я уже взрослый: если детей интересует, откуда все берется, то меня – куда все девается.

Она улыбнулась, лифт дернулся, словно опустился на жесткий пол, дверцы раздвинулись. Она заспешила в школу

через дорогу напротив, а я к метро, чтобы тащиться почти час на другой конец города. Но это еще хорошо: прямая ветка, многие ездят с пересадками, а потом еще на автобусах.

Мышцы ноют, вчера перебрал с разведениями. Микро-травмы – это хорошо, там при восстановлении быстрее нарастают дополнительные волокна, но если перебрать хоть чуть, будут настоящие травмы, разрывы, растяжения. Сейчас июль, я только начал качаться, впереди осень, зима и начало весны, а там настанет жизнь, когда я перестану стыдиться появляться на пляже с моей впалой грудью, узкими плечами и тощими, как у узника Бухенвальда, руками.

На работу я все-таки опоздал, но для фирмы это не критически: важно, чтобы приходил ключевой персонал, а я всего лишь посыльный, разносчик заказанной по Интернету продукции. Вера Борисовна, кладовщица, деловито формировала заказы, укладывая баночки со спортивными добавками в разные пакеты.

– А, Виталик, – обрадовалась она. – сегодня ты опоздал не так уж... как обычно.

– Я опоздал на автобус, – пояснил я, – всего на полминуты! А следующий, какое безобразие, через двадцать минут.

– Какой район у вас, – сказала она сочувствующе. – Перебирайтесь к нам на окраину.

– А мы и так на окраине, – сообщил я. – Только на другом конце. Город у нас почему-то большой и, эта, обильный. Только порядка в нем... как и раньше.

– Так вы в Центре жили?

– Дом на снос, – ответил я, – нам дали другую квартиру.

– Хоть двухкомнатную?

– Ее самую.

– И то хорошо, – рассудила она. – Хоть и не Старый Центр, но в однокомнатной со взрослым сыном... За один раз отве-
зешь или за два захода?

Я прикинул размер и вес кучи, ответил с оптимизмом, ко-
торого не чувствовал:

– Постараюсь оттарабанить за раз. Ослов еще и не так на-
гружают!

– Ну вот и хорошо, – обрадовалась она. – А оттуда позво-
ни, ладненько? Если наберется до обеда заказов, приедешь,
заберешь. Если после обеда, то уже на завтра.

– Обязательно, – заверил я.

С нагруженным рюкзаком, похожий на туриста, что со-
брался на покорение Северного полюса, я выбрался, застре-
вая в каждом дверном проеме, ну кто такие узкие двери де-
лает.

По коридору навстречу топает, аки медведь, хозяин тай-
ги, Павел Дмитриевич, бывший боксер-супертяжеловес, а
теперь наш шеф: деловой, при галстукe, подстриженный и
даже вроде бы подкрашенный. И пузо пока без тележки, хотя
зеркальная болезнь на победном марше.

– А, Виталий, – произнес он с театральным удивлением, –
ты все еще у нас работаешь?

– Как видите, Павел Дмитриевич, – ответил я смиренно, – прямо-таки тружусь!

– А почему снова опоздал?

– Поздно вышел, Павел Дмитриевич!

– Почему не вышел раньше?

– Уже было поздно выходить раньше...

Он покачал головой:

– Ох, когда же ты поумнеешь.

– Что умные, – ответил я, уже начиная чувствовать, как рюкзак медленно вжимает меня в пол, как гвоздь в сырую глину, – лучше быть мудрым, вот как вы! Умные – это те, кто зарабатывает своим умом, а мудрые – те, на кого эти умные работают.

– Эх, Виталий, Виталий... Вижу, не любишь ты трудиться, аки пчелка работающая.

– Что вы, Павел Дмитриевич, – возразил я. – Прямо обожаю. Я так люблю свою работу, что могу часами на нее смотреть.

Он снова покачал головой, вздохнул. В глазах укор, но, хотя он смотрит сверху вниз как директор еще и по причине своего роста, я всеми фибрами чувствую, что все карты у меня, а не у него. Он глава фирмы, но не понимает, насколько велико мое преимущество. Ему уже тридцать пять, почти старик, он выбрал свою дорогу и долго шел по ней, пока не встал во главе этой конторы. Не самой маленькой, но и от крупных очень далеко. Где-то в середине, но не в самой се-

редине, а где-то внизу серединки.

Он уже конченный, подумалось мне с внезапным чувством абсолютного превосходства. Конченный, в смысле – закончился, это вершина его развития. Он глава фирмы и уже не станет великим ученым, не откроет средство от рака, не придумает антигравитацию, не станет великим музыкантом или футболистом, что обязательно предстоит мне.

Он сделал царственный жест дланью, отпуская меня, я заторопился к выходу. У раскрытого окна курят Миша и Антипыч, тоже бывшие спортсмены, Миша увидел меня и добавил благожелательно:

– Не торопись, на тот свет все равно не опоздаешь.

Антипыч хмыкнул и посоветовал очень серьезно:

– Все же презерватив не дает стопроцентной гарантии безопасности. Вон Вася вчера надел и все равно попал под автобус. Так что, Виталик, дорогу переходи осторожно.

Я криво улыбнулся, перед нашим офисом в самом деле такое шоссе, где надо бы установить переход: машины то и дело кого-нибудь сбивают. Но, говорят, проще повесить ВВП, чем поставить новый светофор.

На выходе вахтер сказал с сочувствием:

– Вот-вот, в этом и вся жизнь работающего человека: сегодня пятница – завтра понедельник.

Я заторопился к станции метро, уже заранее морщась, что меня примут за приезжего, явившегося скупать их колбасу. И хотя времена давно не те, приезжих традиционно не лю-

бят, милиция на каждом углу проверяет паспорт и долго изучает мою фотографию, печати, подписи, старается угадать на ощупь: не фальшивая ли бумага.

Глава 2

Голова горячая, я взмок под этим проклятым рюкзаком, и хотя за ближайший час развез почти половину веса, остальное давило плечи еще три часа, пока съездил в Новые Черемушки, а потом в Медведково и на Дубнинскую. Когда сдал последний заказ и получил деньги, ноги подгибались, я чувствовал себя так, будто ночь упражнялся с железом.

Позвонил Вере Борисовне, приготовившись сказать, что заболел, но она опередила, сообщив, что заказов до обеда не было, а послеобеденные соберет и расфасует мне на завтра. Облегченно вздохнув, я потащил свои кости домой. По дороге заснул, что со мной раньше не бывало: даже смертельно усталый не могу спать в метро, а тут вырубился так, что проехал станцию.

Разбудили добрые люди, вышел, пересел, наконец вон мой дом, скорее бы добраться, что-то со мной не то, не то... В квартире пусто, мама на работе, я торопливо принял душ, зверски хочется есть. Не вытираясь, как гигантская лягушка, пошлепал мокрыми лапами на кухню. В холодильнике суп в кастрюльке, в другой – каша, все бы разогреть, но руки сами ухватили ложку, я сожрал почти весь суп и кашу.

Жар как будто спал, а слабость начала отступать, взамен пришла сонливость. Я дотащился до дивана, рухнул, пальцы нащупали пульт жвачника, включил спортивный канал, но

заснул раньше, прежде чем врубился, о чем передача.

Обычно во сне я летаю, побеждаю, совершаю чудеса, стреляю без промаха, но сейчас тонул в теплом болоте, взбирался на берег и снова проваливался в глубины, где не понимал, в какую сторону плыть, чтобы к поверхности, а воздуха не хватает, задыхался, вроде бы выныривал не только из болота, но даже из сна, снова забывался тяжким и тягучим, как клей, сном.

Проснулся только потому, что отчаянно захотелось в туалет. Еще чуть – и мочевого пузырь лопнет. Я опрометью скатился с дивана, потом в ванной долго всматривался в зеркало, выпятив грудь и напрягши плечи. Каждый день встаю на весы и замеряю портновским метром грудь, талию, руки и плечи. Прогресс, честно говоря, есть, даже неплохой: в неделю прибавляю по два килограмма сухих мышц без капли жира, но ведь и Мурз прибавляет, а ему еще и генетика помогает, крепкий такой бычок от крепких медведистых родителей, в то время как я из породы хилых интеллигентов.

Но где-то я надорвался, в теле жуткий озноб, ломит суставы, как у ревматика или подагрика. Во рту слюна высохла, язык в трещинах, как пустыня Гоби.

В прохожей прозвенел звонок. Я услышал, как сквозь вату, даже не понял, что надо открыть, все рассматривал себя, что-то во мне изменилось, но что – не врубаюсь.

Дверь в прихожую распахнулась, мама вошла, на ходу убирая ключ в сумку.

– Ты дома? – удивилась она. – А я звоню, звоню...

– В туалете сидел, – выкрутился я. – Ну не мог, не мог...

– Ладно-ладно, – сказала она торопливо и отвела взгляд, все еще уверена, что я тайком мастурбирую в ванной, – ты уже обедал? По глазам вижу, голодный... Сейчас вымою руки и быстро приготовлю что-нибудь...

– Я обедал, – признался я, – но что-то подсказывает, что не откажусь снова. Наверное, у меня солитер. Это он есть просит.

Она всплеснула руками.

– Какой солитер?

– Большой, – объяснил я, – вечно голодный. Наркоман, наверное.

– Наркоман? – переспросила мама испуганно. – Почему наркоман?

– Теперь все наркоманы, – объяснил я, – даже солитеры. Но только не я, мамочка!

Она с облегчением вздохнула.

– Тьфу на тебя, такое сказать перед обедом...

Она пошла в ванную, а я быстренько нырнул в свою комнату и торопливо проглотил капсулы, запивая водой, а ложку глютамина развел в чашке, быстро размешал и выпил залпом, пока мама не видит. И хотя знает, что я употребляю «эти гадкие добавки», но лучше это делать не при ней.

За столом она сказала все так же печально:

– Ты на себя хоть смотришь?

– Когда бреюсь, – ответил я гордо, я уже бреюсь, у меня настоящая бритва. – А так, я не девчонка, чтобы все время смотреть в зеркало! В мужчине должна быть некая небрежность...

– Щеки запали, глаза ввалились... Зачем себя так мучаешь?

– Это сладкие муки творчества, – ответил я. – Я творю!

– Что творишь?

– Свой организм! Свой мускулы.

– Ох, сынок...

– Все ништяк, мама, – заверил я бодро. – Увидишь, все будет хорошо. Разве не лучше, что я качаюсь, а не в подворотне с наркоманами?

Это коронный довод, я сам слышал, как она однажды говорила жалующейся на сына соседке, что лучше пусть уж сидят за этими проклятыми компьютерами и сражаются в проклятые компьютерные игры, чем наркоманят, пьют да совокупаются где попало и с кем ни попадя.

Мама покачала головой, в глазах грусть, но не нашлась, что ответить, только смотрит с мягким укором...

– Будь осторожнее, – сказала наконец тихо, – мир опасен.

– Буду, – пообещал я, хотя осторожные хоть и живут дольше, но никогда ничего не добиваются в этой жизни. Осторожные до конца проживут посыльными, а разве мне не суждено намного больше? – Буду, мама. Только мы еще опаснее.

Она вздохнула, зная цену моим обещаниям.

– Голова не болит?

– Нет, мама.

Я встал, она тоже поднялась и, перегнувшись через стол, потрогала мне лоб. Пальцы ее оказались приятно прохладными.

– Ого, – вскрикнула она испуганно. – У тебя жар!

– Да никакого жара, – возразил я. – Все хорошо.

– Как нет? А ну поставь термометр!

Термометр, к моему удивлению, показал тридцать восемь, многовато, хотя я чувствую себя относительно хорошо. Если не считать, конечно, ломоты в мышцах: протеины протеинами, но никакие мышцы не нарастут, если не показывать им, где именно расти.

– Это разогрев мышц, – объяснил я, хотя, конечно, при разогреве температура не повышается. Во всяком случае, на целые градусы. – Это во всех энциклопедиях написано!

– Нельзя так над телом измываться, – вздохнула она. – Вот выйдет боком, наплачешься!

– Все под контролем, – заверил я.

Закрывая за собой дверь в свою комнату, чувствовал между лопаток ее беспомощный взгляд. Когда я за компом, двери не закрываю, но когда качаюсь, ей лучше не смотреть: мало кто из старшего поколения может понять, как это можно надрываться, поднимать огромные тяжести час за часом и все задурно, бесплатно!

А я в самом деле ежедневно истязую себя, у меня рядом с

постелью скамья для жима и солидный набор гантелей. Сегодня качаю плечи, завтра – грудь, послезавтра – спину и пресс, руки – раз в неделю, им и так достаётся, даже если качаю косые или широчайшие спины.

Вечером я принял на ночь Gaba и мелатонин, то и другое активизирует выработку гормона роста, мелатонин – за час, Габу прямо перед сном, лег и в самом деле ощутил, что температура еще выше. Явно выше, чем тридцать восемь, но это и понятно, к вечеру всегда больше, хоть при простуде, хоть еще как. Встать и померить бы, но, во-первых, нет никакой боли, во-вторых, в теле слабость, как будто уже проваливаюсь в сон, хотя вообще-то обычно засыпаю хреново.

Среди ночи проснулся и встал в туалет, зашел на кухню, где отпил из шейкера стакан приготовленной смеси. Как известно умным, той пищи, что съедаем вечером, организму хватает только на четыре-пять часов, а потом этот вечно голодный крокодил начинает пожирать собственные запасы. У меня же лишнего в теле нет, умные бодибилдеры на такие случаи заготавливают еду. Не жареную курицу, понятно, а вот такую легкую жидкую смесь, что проскакивает быстро, оставляя в организме необходимые белки.

Выпил с жадностью целиком, хотя обычно оставляю половину на утро. Показалось, что зашипело в горле, превращаясь в пар, настолько разогрелся во время сна, явно температура высокая, уже очень высокая. Если к утру будет такая

же, придется тащиться к врачу, как я их всех ненавижу...

На обратном пути зашатало, ухватился за стену. Перед глазами поплыло, кое-как дополз до постели. Сердце бухает, как молот, впервые стало по-настоящему страшно. Вообще-то все мы, бодибилдеры, принимаем непроверенные препараты, но только так становятся чемпионами. А тем, кто хочет принимать только проверенные и одобренные медицинскими советами, придется подождать лет пятнадцать-двадцать. И снова опоздать, потому что в лидерах снова будут те, кто принимает непроверенные новинки.

Лежа на спине, тарашил глаза в потолок и все пытался понять, что встревожило за последние пару минут так, что сердце едва не выскакивает. Ах да, я наклонился и одной рукой откинул одеяло, а другой ухватился за деревянную спинку дивана. Вот тогда-то сердце и застучало, а пальцы до сих пор жжет...

Я повернулся, снова взялся за спинку. Пальцы начали погружаться в дерево, словно в мокрую глину. Поспешно отдернул руку, вот уже от сильнейшего жара начинается бред. Пальцы обожгло еще сильнее, как будто ошпарил кипятком.

– Спать, – пробормотал я себе. – Это все глюки... температурные глюки...

Но заснуть не мог, сердце бухает, как молот, голова горячая, повертелся в постели, на цыпочках поднялся и снова прокрался на кухню. Нам, принимающим эти непроверенные, но такие могучие препараты, приходится много пить во-

ды, чтобы почки успевали вымывать продукты распада, из-за чего все мы встаем два-три раза среди ночи в туалет, с другой стороны – это возможность забросить в организм лишнюю порцию протеина.

Вообще-то это не только протеин, в нем доля глутамина, креатина, аланина, а также особые добавки, что не дают желудку переваривать все это богатство, а прямиком доставляют в мышцы. Переваривать – это значит расщеплять, а мне не надо, чтобы драгоценные и довольно дорогие граммы разлагались на безобидные составляющие и уходили в унитаз.

В туалете я очередной раз опорожнил мочевой пузырь, а на кухне вместе с протеином принял ампулу орнитина с аргинином, жидкость усваивается быстрее и полнее, чем в таблетках или капсулах, побрызгал в рот спреем гормона роста. Дорогая зараза, но если раньше его только кололи, то теперь можно и вот так, только нужно подержать под языком, чтобы всосалось в слизистую оболочку, иначе в желудке расщепится на бесполезные молекулы.

Когда возвращался в свою комнату, так шатнуло, что задел плечом косяк... плечо ошпарило, я прошел дальше, сел на постель, пальцы мнут обожженное плечо, а глаза все поворачиваются в ямках, рассматривая косяк. Наконец, несмотря на слабость, я поднялся, вернулся к косяку. Хорошее полированное дерево, твердое, как железо. Откуда у меня ощущение, что мое плечо прошло через эту твердь, как через плотную теплую воду?

Пальцы ошупывали, скользили, вдруг один чуть погрузился... я чуть ли не ахнул, отдернул руку. Палец горит, как в огне. Выждав минуту, пока успокоится, снова взялся за косяк, постарался вогнать себя в иное состояние, мы это умеем, когда качаешь железо, нужно уметь сосредотачиваться, подобно Френки Зану, который отнял у Шварценеггера титул мистера Олимпии, он в таком особом состоянии два часа всем на удивление без остановки качал пресс на римском стуле...

Дерево осталось деревом, но пальцы мои погрузились как в вязкое тесто. Я снова отдернул ладонь, сердце уже не бухает, а колотится, как у загнанного зайца. В голове стучат молоточки, явно перебрал с креатином. Мог бы подумать, что сон, иногда снится такое, что ну самая настоящая реальность... но это все-таки реальность, и не надо щипать себя, не настолько я съехал.

Придвинул руку к дверце, кончики пальцев скользнули по твердой поверхности дерева. Надежное, солидное... но если вот так, ощутить иначе... если мозги немножко набекрень, намеренно набекрень, то пальцы начинают погружаться в твердое, как в горячую вязкую массу. Причем если медленно, то не так уж и горячо, а если быстро, то ошпаривает...

Трижды повторив опыт, я ошалело сел на край кровати. Голова кругом, сердце бухает как молот, будто при ускоренной перемотке. Похоже, я рехнулся. Такое просто невозможно... или же я настолько нарушил равновесие в организме,

что он пошел вразнос. И теперь еще неизвестно, чем кончится. Может быть, я, прежде чем издохну, расплывусь протоплазмой на полу. Или начну видоизменяться: руки станут волчьими, ноги – как у козла, а голова рыба или еще что-нибудь погаже...

Я сжал ладонями голову, страх вонзился холодными иглами: странное ощущение – температура под сорок, если не выше, боюсь и мерить, но внутри уже не холодок страха, а глыба льда.

Дрожащие пальцы нащупали мобильник, набрал номер Вована, он старше меня на три года, но в нашей прошлой компашке мы были неразлучными дружбанами.

– Привет, – сказал тихо, – это я.

Из мембраны донеслись звуки удалой музыки, выкрики, шум, а голос Вована произнес грозно:

– Это кто звонит в три часа ночи?

– Да брось, – сказал я, – ты же на работе, знаю. И слышу, как шуршат баксы, что стриптизерше засовывают...

Из мембраны донеслось:

– Алло!.. Не слышу!.. Говорите громче!

– Не могу, – сказал чуть громче, – мама спит. Слушай, Вован...

– Не слышу, – ответил он недовольно и отключился.

Я пробрался обратно в спальню, плотно закрыл дверь, лег и накрылся с головой. Мобильник включил на ощупь, сказал громче:

– Вован, это я!.. Да я и так кричу, это у тебя там грохот... Он услышал наконец, сказал оглушающе громко:

– Это у нас творческая атмосфера!.. А ты чего шепчешь?

Украл что?

– Да иди ты, – ответил я. – Слушай, Вован, ты еще качаешься?

Из мобильного донеслось раздраженное:

– Ты можешь говорить громче или нет?.. Ни хрена не слышу!.. Ладно, перезвони утром домой!

Щелкнуло, стало тихо. Я положил мобильник на столик рядом, от моей ладони он нагрелся, как будто лежал на включенной электроплите. Вован, кроме работы в фирме, еще и подрабатывает барменом, ему внушительная фигура нужнее, чем мне, качается для дела, а я только для самоутверждения, однако он осторожнее, непроверенные добавки не потребляет. Я и позвонил ему только потому, что вообще-то некому больше. Да еще среди ночи.

С утра в поликлинику, решил я твердо. Если еще не подохну. Долго вертелся в постели, нагрел ее так, что чуть не дымитесь, наконец провалился в тягостный сон.

Глава 3

В квартире пусто, на столе записка с указанием, что и как есть, что разогреть, а что можно холодным, вернется поздно, после уроков еще и вечерние занятия. На плите разогретый суп в кастрюльке, большая котлета на сковородке под крышкой. Несмотря на жар, я чувствовал сильный голод, суп сожрал прямо из кастрюльки, ухозякав и два больших ломтя хлеба. Котлету тоже съел с хлебом, потом отрезал еще и вытер им досуха подливу в сковородке.

Голод затих, а когда я запил все литровой кружкой молока, как будто и температура спала. Тяжесть в желудке чувствовалась не больше пяти минут, а потом как-то рассосалось. Я ощутил себя абсолютно здоровым, только... температура вроде бы все еще выше нормы.

– Пройдет, – сказал я бодро, – все пройдет, тру-ля-ля, как с белых яблонь дым...

Не хочется признаться, что вообще-то, как и большинство нормальных мужчин, боюсь людей в белых халатах. И если есть возможность увильнуть от встречи с ними, всегда увильну. И всегда найду уважительную причину.

Даже если это чревато.

Все жаждем быстрых результатов, потому и созданы допинги и стероиды. Но если спортсменам приходится хитрить, изворачиваться, чтобы обмануть допингконтроль, то

для бодибилдеров его не существует. Тем более когда не соревнуемся за титул мистера Олимпия, а всего лишь побыстрее накачать бы мышцы, чтобы не стыдно на пляже.

В последнем журнале для качков сообщение, что умер Энри Зан, а месяцем раньше – Гарри Купер. Одному тридцать один год, другому – двадцать три. Вообще в этом году откинули коньки семеро из высшего класса бодибилдеров, однако на сотню призеров это не так уж и катастрофично, если учесть, что каждый из них успел и побыть под лучами славы, и заработать миллионы, и успеть порадоваться жизни в собственных виллах за миллионы долларов. Вообще-то принимающих вот так только что созданные препараты, да еще не опробованные, тысячи и тысячи. Кто-то, перебрав с дозировками, зарабатывает цирроз печени, рак прямой кишки, сажает почки, а кто-то... этим кем-то оказался я, у которого комбинация аминокислот с прочими ускорителями вызвала вот такую перестройку организма.

Позавтракав, я помчался на работу, не очень-то и опоздал, к тому ж шефа еще нет, а остальным до лампочки, когда и кто является. Я загрузился заказами и, согнувшись под тяжестью рюкзака, уже на выходе столкнулся с шефом.

– Доброе утро, Павел Дмитриевич, – сказал я, кланяясь вместе с рюкзаком. – Как спалось?

Он посмотрел хмуро.

– Не пытайся уверить, что уже час как на работе!

– Что вы, – прохрипел я задуманно, – какой час? Я ноче-

вал здесь, чтобы оказаться первым!

– Ну-ну, – сказал он, – старайся, старайся. Капитализм тебя не забудет.

Я потащился к метро, маршруты дурацкие, никак не удавалось высчитать оптимальный, я ездил из конца города в другой конец, а когда заканчивал, позвонила по мобильнику Вера Борисовна и сказала сочувствующе, что есть еще два заказа. Увы, зарегистрили их перед обедом, так что надо доставить сегодня.

Снова поднялся жар, все тело ломило и ломало. Я дотащился до конторы, взял эти проклятые пакеты с добавками и потащился, потащился: где на метро, где автобусом, а потом ножками, ножками...

Домой добрался, когда мама уже пришла и начала готовить ужин. Охнула, увидев мое осунувшееся лицо, усадила за стол и начала вытаскивать из холодильника ломти холодного мяса, рыбы. Пока я ел, подоспел горячий суп, я отказываться не стал, а после ужина наполнил ванну и долго лежал в горячей воде. Как ни странно, инстинкт не подвел: жар заметно спал, словно побежденный встречным жаром.

Мама постелила постель, я дотащился и рухнул на прохладные простыни, впервые перед сном не посидев в Инете, не початившись, не побаймив в великолепную Линеюку, где я успел стать лидером не самого хилого клана.

Ночью проснулся от зверского голода. В полудреме под-

нялся, вялый и заторможенный, как зомби, привычно сходил на кухню, где выпил большой стакан густой смеси протеина с креатином и глутамином. В мозгу прокручиваются жуткие сцены, как я вязну, словно муха, в теплой темной жидкости, как она поднимается, закрывая меня с головой, я не понимаю, в какую сторону мне двигаться, паника охватывает с сокрушающей силой...

Как-то успокоив себя, что не фиг, как старая бабка, верить в сны, вернее – запудрив мозги, чтобы не трястись, я начал осторожненько и довольно трусливо экспериментировать. Дверца кухонного шкафа вязкая, как застывающий клей, я упорно протискивал руку, наконец пальцы ощутили корешки плотно посаженных книг по кулинарии. Подцепил одну, попробовал вытащить, но, увы, уперлась, могу вытаскивать только руку. Так, понятно, ничего взять не могу, обидно.

Передохнул, на всякий случай проглотил, как утка, пару капсул кофеина и чайную ложечку тирозина, не дадут спать, обеспечат ясность и быстроту мышления. Более того, перестал чувствовать кипяток, когда просовываю руку слишком быстро.

Решившись, я повернулся к стене, что ведет на балкон, попытался представить себе, что за этими обоями не армированный бетон, а нечто вроде тумана, погрузил сперва руку, вытянул на всю длину, ощутил, что пальцы на той стороне болтаются в воздухе. Собрался с духом, вдвинулся весь,

ощущение престранное, но прошел, продавился, вышел на той стороне и вытаращил глаза, оказавшись там, куда ходил обычно по дуге и через балконную дверь.

Открыл дверь, посмотрел на кухню, откуда явился вот так напрямик. Лунный свет падает через проем на длинный стол с электроплитой, чайником, кофемолкой, дистиллятором, блендером и соковыжималкой. В шейкере остаток адского коктейля из протеина, креатина, глутамина, тестостерона и еще десятка куда более убойных компонентов, баночки с которыми прячу в нижнем ящике.

Я прошел, шлепая босыми ступнями по кафельному полу, допил остатки прямо из шейкера. В маминной комнате зажегся свет, ярко высветив полосу под дверью. Я торопливо опустил на стол пластмассовый стакан, метнулся к стене. Из комнаты донесся сонный голос:

– Виталик, с тобой все в порядке?..

– Все-все, – торопливо заверил я. – Не беспокойся, спи.

– Как с вами не беспокоиться...

– Да все нормально!

– Животик не болит?

– Мама, перестань...

Я торопливо вдавливался в стену, не хватало только, чтобы мать застала меня на кухне выходящим из стены. Снова бросило в жар, спешу слишком, с сильно бьющимся сердцем скользнул к постели и юркнул под одеяло.

В голове ураган, теперь уже не заснуть до утра, и с этой

мыслью тут же провалился в глубокий сон. Настолько глубокий, словно я и не человек уже с его комплексами, страхами и заскоками, а древняя рептилия, кистеперая рыба, а то и вовсе амеба, что умеет принимать любую форму.

В спортивной прессе часто пишут, что если принимать гормоны – результаты будут ошеломляющими, но везде предостерегают насчет злоупотребления, пишут про игру с огнем, публикуют случаи, где и когда какой из супербодибилдеров откинул копыта по причине этих самых гормонов.

Самый заметный пример, когда из-за приема гормонов развивается гигантизм. И самое ужасное, что если поспешно перестать жрать гормоны, то хоть гигантизм, хоть еще что-то похуже уже не остановить.

Да, гормоны – это как если быстро несущийся поезд перевести на другие рельсы. То ли быстрее прибудет к цели, то ли сорвется под откос... И ни один ученый не скажет, когда гормон роста всего лишь омолодит стариков, а молодым добавит мышц, а в каком случае вызовет тот самый неконтролируемый рост тканей, что в народе зовется проще: рак.

Винпоцетин продается во всех аптеках по цене сорок рублей за упаковку, это средство от старческого слабоумия, но оно как будто нарочно создано для бодибилдеров: расширяя кровеносные сосуды, позволяет доставить питание для роста мускулов в самые дальние части тела.

В аптеках без всяких рецептов продаются таурин, глицин, тирозин и прочие лекарства, только у нас, бодибилдеров, они

уже... скажем, мягко, не лекарства. В примере, глицин рекомендуется принимать по 0,1 грамма, а мы принимаем по два-три грамма за прием, что значит, в двадцать-тридцать раз превышаем предписанную врачами норму. В капсуле тирозина пятьсот миллиграмм, а мы жрем по три-четыре грамма за раз. И так во всем, так что мы – те смертники, что при удаче выхватывают из рук судьбы счастливые билеты, которые делают нас шварценеггерами, занами и колеманами, возносят до вершин славы, богатства, известности, могущества.

Ну, а при неудаче...

Однако кто не рискует...

Напротив в вагоне метро милая девушка, вся в серебристо-сером: вязаная шапочка с ушами до пола, ими дважды обвязала шею и красиво спустила концы на колени, серое пальто и элегантные серые брюки. Она чуть улыбнулась мне уголками губ, я автоматически улыбнулся в ответ, вежливый я, но ее жующий рот напомнил мне о корове, те так же тупо жуют и жуют жвачку.

Мы едем вот уже шесть остановок, а она все жует и жует. Сколько бы мы ни говорили, что женщина должна быть дурой, но все же над дурами смеемся, никто не стремится прийти на дискотеку с красивой дурочкой, сразу рухнешь в репутации ниже плинтуса. Когда твоя подружка умненькая или хотя бы сыплет шуточками и приколами, то и ты как бы выше в цене: справиться с умной может только тот, кто еще

умнее.

Про дур говорят, мол, тупая, как корова. А почему так говорят? Потому что корова жуёт всегда. А когда жуешь – не думаешь. Вот и эта на скамейке напротив: хорошенькая, миленькая, но нижняя челюсть двигается с равномерностью маховика. И в конце концов накачает себе тяжелую квадратную челюсть, как у бегемота. Парни еще могут гордиться такой, но когда такая челюсть у девушки...

Сегодня, возвращаясь с работы, встретил бывшую одноклассницу Ленку, по нынешней мужской классификации – Пеппи Длинныйчулок, что значит веселая и незатейливая девица, с ней не надо напрягать мозги, всегда весело, смеется всем шуткам, сама острит, сыплет анекдотами, одета всегда малость небрежно, свой в доску парень, охотно соглашается удовлетворить сексуальные запросы, да где угодно, но не заиклена на сексе, ей всегда хорошо в компании, и когда появляется на моей орбите, то всегда старается утащить в какой-нибудь клуб, на дискотеку, вечеринку, а летом пропадает на пляже, ходит в турпоходы.

– Ого, – вскрикнула она, – ты стал... больше!

– Да ну, – возразил я, чувствуя себя польщенным, – в сравнении с червяком?

– Правда, – заверила она. – Плечи шире, грудь... уже не такая впалая, руки стали толще. Вон уже бицепсы! Правда, бицепсы. Можно, пощупаю?

– Щупай, – разрешил я.

Раньше не позволил бы, счел бы, что издевается, но сейчас в самом деле у меня бицепсы. Не Френки Зан, конечно, и не Ронни Колеман, но не то убожество, что раньше жалкими тряпочками болталось на моих костях.

Она пощупала, я посматривал с подозрением. Но Ленка в самом деле щупает очень деловито, пальцы у нее крепкие, жесткие, больно впиваются в плоть, проверяя, сухие мышцы или дурное мясо, сиречь – жир.

– Молодец! – сказала с удовлетворением. – Как стальные канаты.

– Ну уж...

– Правда, – заверила она. – Ты ж помнишь, какие были совсем недавно?

– Да ладно тебе...

– Ну вот, а теперь понемногу гераклеешь.

– Скажи еще, шварценегерею, – фыркнул я, но чувствовал себя польщенным. – Я и был таким.

– Ну-ну, – сказала она с пониманием женщины, которая знает, как не любят мужчины признаваться в своей слабости, – сейчас-то ты силен?.. Где ты сейчас?

– Работаю, – сообщил я. – Говорят, и Рокфеллер начинал с работы разносчика. И Джон Кеннеди, это президент такой был. А я вот все не решу, то ли на банкира выбирать апгрейд, то ли на президента...

Она расхохоталась.

– Потому все еще разносчик?

– Да, – сказал я сокрушенно, – вот уже третий месяц. А то мог бы уже рокфеллерствовать! Или кеннедячить от пуза.

– Ты прикольный парень, – сообщила она мне весело. – С тобой клево! Ты дай знать, когда надо отсосать или еще что, я уже все умею. Ты смотрел новый фильм про монстров, как их...

– «Братья Озерные»?

– Да, он самый!

– Нет, – признался я, – только афишу видел.

– Эх ты, а я думала, ты продвинутый!

– А я оказался всего лишь апгрейденным, – согласился я сокрушенно. – Ладно, бывай здорова, я пошел, пошел, пошел...

Она удивилась:

– Так я тебя еще не посылала! С тобой, Виталик, хорошо говно есть: всегда вперед забегаешь!.. Пойдем со мной, я тебе такое покажу!

– Да раздевайся здесь, – предложил я.

Она отмахнулась.

– Ну и что ты во мне еще не видел? А вот там...

Она ухватила меня за руку, я спросил вяло:

– А куда все-таки?

– К Ганнусеньке, – сообщила она. – У нее открылся дар, представляешь? Умеет видеть ауру!

Я поморщился, последние страницы всех газет и журналов заполнены объявлениями ясновидящих, шаманов,

ведьм, гадалок и прочей цыганщины. Как будто не в двадцать первом веке, а вернулись в Средневековье.

– Лучше уж пойдем на этих братьев-разбойников...

– Уже пришли, – заявила она. – Вон ее окна! Да не этот дом, а следующий...

Ганнусеньку я случайно знаю, хотя она на два класса младше, а таких кто замечает... Полная противоположность Ленке, тихая такая серая мышка, золушка, с чистым личиком и светлым взором. Сейчас она в восьмом, почти не пользуется косметикой, без всякой бижутерии. В классе была хорошисткой, учителя упрекали, что могла бы стать круглой отличницей, но она еще тогда грезила о всяких астральных мирах, говорила только о духовной сути человека, о его предназначении, так что и по сей день остается, как поговаривают ребята, девственницей.

Ганнусенька открыла дверь на первый же звонок, словно стояла по ту сторону или же уловила наш запах, еще когда мы подходили к дому. Я засмотрелся на ее чистые лучистые глаза, взгляд теплый, понимающий. Лена тут же обняла ее, звонко чмокнула в щеку. Ганнусенька посмотрела на меня с извиняющейся улыбкой, хотя это я должен был извиниться, что подружка у меня такая раскованная и бесцеремонная.

– Ты «Последний полет Мерлина» смотрела? – спросила Лена еще в прихожей. – Нет? Сумасшедшая, он уже вторую неделю идет во всех кинотеатрах. Ждешь, когда на DVD будет?.. А диск «Гайлы-Гайлы» слушала? Нет?.. Ну ты совсем

дикая!..

Уже она, как хозяйка, побежала на кухню, пошарила в холодильнике и всем налила холодного соку, нынешнее поколение выбирает здоровый образ жизни. Ганнусенька оглянулась на нее с покорной вымученной улыбкой.

– Виталий, – поинтересовалась она тихо, – с тобой что-то происходит?

Я спросил настороженно:

– Чего так решила?

– Ты весь светишься багровым... И от тебя как будто тепло идет...

Я отмахнулся.

– Простудился малость, температура повышенная. Молодец, угадала.

Но стало чуть тревожно, а Ленка радостно заорала:

– Я же говорила, что она видит человека насквозь!.. Вера, ну предскажи ему что-нить!

Ганнусенька покачала головой:

– Я не предсказательница. Просто я последнее время я начала чувствовать энергетический потенциал... ну, так говорят. Может быть, это не потенциал и вообще не энергия, но на прошлой неделе я сказала дяде Володе, ты его знаешь, что у него в животе какой-то черный ком, он засмеялся, отмахнулся, но его жена вчера сводила его в больницу... сегодня сообщили, что у него рак желудка, нужна срочная операция.

– А у меня где черное? – спросил я. – В области печени,

да?.. Или почки?

Она опустила взгляд, щеки слегка заалели, словно увидела сквозь одежду не только печень, сказала чуть смущенным голосом:

– Черного нет. И светлого нет. Везде красное, как будто железо плавится. Что ты такое съел, что никак не переваришь?.. Ты здоров, но на грани... Сидишь вроде бы расслабленный, а на самом деле будто тяжеленную штангу жмешь.

– Вот-вот, – сказала Лена кровожадно, но добавила совсем умоляюще: – Ну скажи еще что-нибудь?

Ганнусенька улыбнулась.

– Вам чаю или кофе?

Глава 4

Я сообщил, что сперва помою руки, вежливый эвфемизм насчет поссать, Лена предупредила вслед, чтобы не очень болтал ерундой, а то и так уже и на потолке желтые пятна, а Ганнусенька жутко покраснела и сказала умоляюще:

– Только раковиной для умывания не пользуйся. Она старая, засорилась...

– Не волнуйся, – успокоил я, – буду осторожен.

– Там еще и унитаз есть, – сообщила Лена вдогонку. – Хочешь, покажу?

– Спасибо, – ответил я, – не надо.

– А-а, ты и на фото видел...

Закрыл за собой на щеколду, в раковине в самом деле вода, на сером от старости фаянсе прилипшие клочья серой пены, что значит, вода все-таки просачивается, но по чайной ложке в час. Раз уж нельзя, то отлил не в раковину, как обычно, а в унитаз, все-таки разнообразие, застегнул ширинку и осмотрел замысловатый изгиб трубы.

Почему не попробовать, никто не видит, если не получится – не придется признаваться в неудаче, присел, засучил рукав до локтя и начал погружать пальцы в металл, как раз в то место колена, где чаще всего и происходит засор. Там для его ликвидации сложная система колец, водопроводчики разбирают их с таким видом, словно ремонтируют космический

корабль.

Прочистить – пара пустяков, просто поворошил пальцем то месиво, что закупорило изгиб, хорошо, что не вижу, в чем копается мой палец, через пару секунд вода из раковины начала уходить активнее. Остатки засора вымыло напором уже горячей воды: я открыл на полную мощь. Затем, как шпион, в самом деле помыл руки, смыл грязную пену, вытекает прекрасно, вышел и сказал скромно:

– С раковиной все в порядке.

У Ганнусеньки расширились глаза, а Ленка вскрикнула восторженно:

– Бреешь!

– Брежут собаки, – ответил я солидно. – А с ними некоторые из женщин. Не буду указывать пальцем, неприлично. Но кому нужно, тот догадается.

Лена оскорбилась:

– Ты чего на Ганнусеньку смотришь? Смотри в зеркало! Скажи лучше, как ты это сделал?

– Тоже поколдовал, – объяснил я. – Попросил зеленых человечков, они пригласили тибетского далай-ламу... незримо, конечно, и совместно прочистили. Правда, помог еще пришелец из будущего, все знал наперед и запасся особым ершиком.

Ленка не вытерпела, сбегала в ванную, оттуда раздался восторженный визг.

– Виталик!.. Как сумел без инструментов?

– Постучал по трубе, – объяснил я.

– Просто постучал?

– Главное, – сказал я многозначительно, – знать, где постучать. Вибрация – это такое хитрое дело, это не понимать, а чувствовать надо, как вообще чуют дуновение космоса и связь души человеческой...

Ганнусенька смотрела восторженными глазами, найдя такого же помешанного, а Ленка завизжала счастливо:

– И ты?.. И ты такой же иисусик?.. Как мне повезло!

– В чем? – спросил я недовольно.

– А кто еще вот так сразу двух не от мира сего в приятелях заимел?

– Я от сего мира, – ответил я твердо. – А засор рассосался сам по себе. Когда я открыл воду, она пошла свободно. А в раковине, когда я зашел, никакой воды не было.

Ленка выглядела разочарованной, даже Ганнусенька печально вздохнула, всем хочется верить в чудеса, а я сказал мысленно угрюмо: а вот хрен вам обоим признаюсь. Мой дедушка говорил, что в его время с любым изобретением или открытием сразу бежали в райком партии, чтобы тут же на пользу партии и правительству, в смысле, на благо народа, но мы живем в эпоху рынка, так что мне еще втихую надо как-то сесть и крепко подумать, что мне это даст, как смогу воспользоваться.

Лена оглянулась на кухню:

– Вера, чай готов.

Ганнусенька вспикнула и бросилась на кухню. Ленка ожгла меня недовольным взглядом, обманул, гад, ну почему мне не оказаться в самом деле малость тронутым, но чтобы во мне было что-нибудь необычное, пусть уродливое, но не такое, как у всех людей. Я сам себя ощутил неловко, всем страстно хочется верить в чудеса, а я как будто бейсбольной битой по елочным игрушкам.

Мы прошли на кухню и чинно уселись за стол. Пили с печеньем, такие все трое из себя чинные и примерные, даже Ленка присмирела за этой церемонией. После чая я начал присматриваться, как бы трахнуть Ганнусеньку, но Ленка все усекла, быстро взяла инициативу, и не только ее, в свои руки, я всегда уступаю такому напору, женщинам всегда уступаю, так что Ганнусенька осталась на сегодня весталкой.

Еще неделю я поглощал свои добавки, постарался перейти, где удавалось, на ампулы: в жидком виде усваивается моментально и целиком, не то что в капсулах, и тем более таблетках. Экспериментировал уже не только дома, но и во время поездок: в вагоне метро тайком продавливал пальцем сиденье, в лифте просовывал палец сквозь стенку.

Один раз чуть не потерял сознание, когда выдвинул слишком далеко, а, нажимая одним пальцем кнопку звонка, другими пальцами погружался в бетон, добиваясь, чтобы это происходило как можно быстрее.

Сегодня произошло революционное событие: как обычно, я начал поздно ночью, когда мать уснула. Пролез в книжный шкаф сквозь дверцу, на ощупь перепробовал корешки книг, пошарил по краю полки, постарался как можно быстрее вытащить обратно, сперва держа ладонь лодочкой, затем сжатой в кулак... Разжал пальцы, на ладони блестит изогнутая скрепка! Ну, это такая штука, которой скрепляют бумаги, но ею еще можно ковырять между зубами и чистить под ногтями.

Сердце запрыгало, в голове вихрем заметались всякие мысли, одна другой круче. Чтобы успокоиться, протиснулся на кухню, оглядел себя: увы, трусы стена не пропустила, я голый, в чем мать родила, вспомнил, что в прошлый раз я был в плотно облегающих плавках. Допил оставшееся с вечера в шейкере, сделал более гремучую смесь, добавив тестостерона, мне плевать, что сильнейший допинг, который выявляется на первых же пробах, на соревнованиях выступать не планирую, выпил в два приема, в голове прояснилось, сердце забухало чаще, нагнетая горячую кровь в мозг и мышцы, я ощутил, как пампинг распирает плечи, грудь, руки.

Обратно протиснулся намного легче, отсюда вывод: если увеличить дозу, то либо загнусь, либо... Ладно, буду повышать остороженько, а сейчас надо разобраться с этой скрепкой. Выходит, все же могу протаскивать сквозь стену какие-то предметы. Для этого надо, чтобы моя плоть облегла этот предмет со всех сторон. То есть либо проглатывать, как

утка, и в желудке проносить, как наркокурьеры, либо плотно зажимать в кулак...

Ура, все это фигня! Я был не прав. Даже дурак, если честнее. Мать моя постирала трусы, а предыдущие оказались с дыркой. Я надел купальные трусики, раньше они назывались плавки, но плавки не прилегают так плотно, как эти трусики. Так вот сегодня ночью, совершая тренировочный проход сквозь бетонную стену на кухню, я обнаружил плавки на себе!

То есть, как угадала Ганнусенька, мое тело в самом деле источает ауру или эманацию, неважно. Аура хиленькая, всего на несколько миллиметров вокруг тела, но ее хватает, чтобы удерживать плотно прилегающую одежду.

Воспрянув духом, я нажрался добавок так, что из ушей лезут, печень вот-вот взорвется, а почки наверняка опустил, как у Ахилла. Зато голова работает, как компьютер в турборежиме, это все неизменные добавки бодибилдера. Разница между бодибилдерами только в том, что одни осторожничают и принимают в микроскопических дозах, а другие... Я отношусь к другим, в этой жизни рисковать надо, все равно другой жизни как-то или почему-то не предвидится. Даже засейвиться не удастся.

Кроме приема добавок, я еще и каждую свободную минуту упражняюсь входить в стену и выходить, передвигаться в ней. Однажды добрался даже до квартиры соседа, осторожно

выглянул: стандартная обстановка, только телевизор лучше, чем у нас. Все на работе, я еще в стене осмотрел внимательно коммуникации: электропроводка и телефонный шнур, вот это дополнительные шнуры... ага, это выделенка, небольшие отводки для звонка и глазка наблюдения за площадкой, но за комнатами наблюдения нет, я осторожно вышел из стены, прошелся на цыпочках, вздрагивая при каждом шуме и по минутно ожидая услышать щелчок ключа в прихожей.

По сути, пожелай я, мог бы обворовать соседей, устроить им в квартире дебош, открыть воду в ванной или включить электроплиту под пустой кастрюлей. Если бы соседи были сволочные, так бы и сделал, я не Иисус Христос, но соседи никакие, до сих пор не запомнил их лиц, серые, как мыши, так что я понаслаждался обретенными возможностями и вернулся в стену.

Еще через неделю плечи раздвинулись на два сантиметра, грудь и руки на сантиметр. Ну, плечи и грудь – ожидал, но что удалось и руки – спасибо креатину моногидрату с хай-лэвелной транспортировкой прямо в кровь, минуя пищеварение! Но, конечно, намного больше обрадовало, что аура выросла тоже. Причем круто.

Заметно стало в первую очередь по тому, что теперь в стене вижу трубы и провода намного дальше. Странная картина, словно я в каком-то абсолютно нереальном геометрическом мире, где стены всего лишь серый туман, а трубы, толстые и тонкие, тянутся вверх, в стороны, вниз...

Теперь, впрочем, я видел, что в стороны они тянутся не до бесконечности, там плавно загибаются и уходят вверх и вниз. На самом верху тоже решетка, только вниз тянутся до тех пор, пока не вливаются в огромную толстую трубу, что называется магистральной. Так я наконец увидел контуры всего дома в странной проекции, словно скелет, обтянутый нервами и сухожилиями, но лишенный кожи и мяса.

Правда, мясо тоже вижу, но как серый такой туман, смотреть сквозь него можно, хоть и противно, будто через грязную воду.

Из кухни донесся голос:

– Виталик!..

– Да, мама.

– Иди ужинать!

– Иду, иду...

Чувство голода уже не грызет так, как раньше, хотя аппетит есть всегда. Правда, я и раньше на его отсутствие не жаловался. Мама, стоя ко мне спиной, помешивает молоко в кастрюльке, чтобы не убежало. Я сел, взял одной рукой вилку и, сосредоточившись, медленно вводил ее одним зубцом в палец другой руки. Легкое покалывание и тепло, но если быстро двигаю вилку взад-вперед, то уже не тепло, а горячее жжение.

– А сырники будешь? – спросила мама.

– Даже с хлебом, – ответил я. – Ты за молоком смотри, закипает!

– Так проголодался? – удивилась она. – Это хорошо.

– Чем же?

– Растешь, крепнешь. Только не увлекайся слишком этими штуками...

– Мама, – ответил я с укором, – я ж в этой фирме работаю! Во-первых, знаю, какие из них настоящие, а какие – подделка, во-вторых, мы своим примером показываем более мелким дилерам и просто покупателям, что это полезно, а в-третьих... нам, как своим, все идет с большой скидкой! Вообще за полцены.

– В самом деле?

– Даже дешевле, чем за полцены!

– Ну уж не поверю...

– Мама! Скажу правду, нам вообще раздают все препараты, у которых заканчивается срок годности. Бесплатно.

Она охнула:

– Так это же опасно!

– Мама, – воскликнул я. – Гарантия дается на год. И что, как только проходит год, так сразу же на другой день добавка становится ядом?.. А вот покупатели такие не берут.

Она подумала, сказала рассудительно:

– Я сама не покупаю молоко с просроченным сроком. Даже если оно еще не скисло.

– Потому что на молоко гарантия три дня! Оно может скиснуть, пока несешь домой. А здесь гарантия – год. Так что не испортится еще долго. Тем более что я человек осто-

рожный...

– Это ты осторожный?

– Мама, я добавки не складываю про запас, а сразу же потребляю. У меня нет таких, что простояли бы больше недели!

Она вздохнула, а я взял нож и, опустив руки под стол на случай, если мать оглянется, там тыкал им в руку. Если не сосредоточиться, то нож может проткнуть руку, потечет кровь. При нужной концентрации внимания железо проходит через руку удивительно легко, а если сосредоточиться так, что голова трещит, а нож буквально видишь, то можно тыкать им в ладонь быстро-быстро, чувствуя только небольшое тепло...

Мать взялась за горячую крышку и с легким вскриком отдернула руку, я сам едва не вскрикнул от жгучей боли: нож пронзил ладонь, как раскаленный добела прут. Я выдернул руку, ладонь цела, но посередине красное пятно, предвестник сильного ожога. Будет волдырь, но это полбеда, а что будет там внутри, как бы клетки не начали делиться самопроизвольно, мы все знаем, как это называется.

Когда мама поставила кастрюльку с горячей кашей на стол, я уже сижу, как смиренный школьник, руки на столе, приносиваюсь. Пока поварешка ныряла в кастрюлю и наполняла мою тарелку, в желудке квакало, во рту появилась слюна.

– Проголодался, – повторила мама с удовольствием. – Растешь...

– Просто готовишь вкусно, – польстил я.

– Скажешь тоже... Как всегда.

– Правда, вкусно, мам!..

– Давай еще один сырничек положу...

– Не буду закрывать тарелку грудью, – пообещал я, – даже если положишь два. И молочка вон в ту чашку, что побольше.

– Налью, – сказала она довольно, – обязательно.

– Спасибо, мама.

– Кушай на здоровье.

Она счастливо улыбалась, как же все родители любят, когда ребенок жрет, как кабаненок. Это в детстве мы с Вованом подобрали котенка, дома налили ему в мисочку молока, а потом ликовали: «Смотри-смотри, ест!.. Ого, как здорово ест!» Если ест – жить будет. Если жрет – вырастет котяра!

Глава 5

После ужина она осталась мыть посуду, потом перейдет в свою комнату смотреть теленовости, а я ушел к себе и плотно закрыл дверь. Мама знает, что я усиленно занимаюсь самообразованием, по Интернету это можно, старается вообще в это время не шуметь.

А я экспериментировал, просовывая руку в ящик стола, не выдвигая его, вытаскивал оттуда, зажимая в ладони, всякую мелочь, что умещается. А когда наконец наступила ночь и под дверью маминой комнаты погас свет, я выждал еще чуть и, втиснувшись в маловатые теперь для меня старые джинсы, натянул маечку, что затрещала на мне, и потихоньку вдвинулся в стену.

Странно, вот стою внутри стены и смотрю как будто в радиотелескоп на Крабовидную или еще какую-то туманность. Или как инопланетянин на Шварценеггера, что видится совсем в другом диапазоне. Вижу словно через болотную воду, а в ней пурпурными лазерными лучами светятся металлические прутья арматуры.

Непонятно, почему через металл прохожу намного легче, но это так. Возможно, бетон менее однородный материал, структура моего тела всякий раз вынуждена перестраиваться, а с металлом потому и легче, что в нем даже присадки – тоже от металла. Когда встретилась толстая металлическая

труба главного стояка, я проскочил через нее, как будто ее нет вовсе, только легкое дуновение..

Сейчас стою и смотрю на стояк, как баран на новые ворота. К сожалению, весь не войду, а как было бы здорово шагнуть в него и пронестись со скоростью лифта, а то и быстрее, до первого этажа, а то и в подвал, где эти трубы врастают в его более толстые трубищи городской магистрали...

Безотчетно я вдвинулся в стояк, так и сяк ужимался, на большой скорости пойти нельзя: выступающие из трубы части тела обгорят, проходя через бетон, если вовсе не отвалятся, и пока вжимался, втискивался, старался занять как можно меньше места, перед глазами картина сдвинулась совсем в причудливую, разлился розовый мерцающий свет, рвануло и понесло, как на американских горках, выбросило в сторону. Замер, побыл некоторое время в неподвижности, а затем выдвинулся и посмотрел ошалело.

Все-таки в стояк, выходит, поместился. Значит, в таком несколько аморфном состоянии я могу до каких-то границ менять объем или размеры тела, что и сделал... Организм, повинуясь безотчетному желанию, дал команду скользнуть вниз, а там меня то ли по инерции, то ли по моему смутному желанию забросило в изгиб, где отводок для нашего дома врезан в огромную трубу всегородской водной магистрали.

Я всмотрелся в эту трубу, голова кругом, я вижу ее просто невероятно далеко, вон отходящие в стороны красные прутки, а еще больше вверх, что значит, в дома.

Это что же, можно вот так попутешествовать и по этой трубе?

На сегодня открытий хватит, сказал я себе трусливенько. Вообще-то я не трусливый, просто осторожный, даже предусмотрительный и временами запасливый, а так вообще-то другой на моем месте, может быть, не высовывал бы носа из комнаты вовсе!

На работе кладовщица Вера Борисовна деловито загружала в мой рюкзак банки, тщательно сверялась со списками. Я тоже всматривался во все накладные, а то придется платить за каждый промах, здесь же некоторые флакончики не крупнее мизинца стоят по сотне баксов.

Подшли Глеб Павлович и Данилин, возбужденно рассказывают друг другу, как вчера ходили к экстрасексу, он у обоих обнаружил повышенные интеллектуальные способности, хотя и в зачатках, а также способность устанавливать Контакт с Высшими Силами и черпать из эфирных сфер ментальную энергию.

Вера Борисовна сразу же заинтересовалась, я, напротив морщился и торопливо укладывал в рюкзак оставшиеся баночки. Подошла со списком Наташа, веселая и с блестящими глазами, лицо нашей фирмы, как любит выражаться шеф: самая юная, красивая и цветущая, тоже прислушалась, но задерживаться не стала, взяла свой набор и ушла.

Сгорбившись под тяжестью рюкзака, я догнал ее в коридоре, она оглянулась на стук моих шагов.

– А, Виталик... ты похож на черепашку-ниндзя. Такой по-тешный! Меч бы тебе еще самурайский.

– Спасибо, – сказал я. – Ты такая добрая. Так умеешь сказать приятное.

– Обиделся? – удивилась она. – Я думала, это комплимент... Знал бы ты, на кого похож в самом деле!

– На кого?

– Не скажу.

– Ага, – догадался я, – потому что добрая.

– Вот видишь, ты все понял. А как тебе их экстрасекс? Я знаю, это такая толстая бабища, снимает апартаменты под офис вон там, через дорогу. Меня тоже хотела заполучить в клиентки, с ходу обнаружила во мне жар тела и некую эманацию...

– Что такое эманация? – спросил я.

Она улыбнулась загадочно.

– Это некое... эфирное или потустороннее нечто, что облекает наше тело. «Я вижу, – как она говорит, – некое дрожание вокруг вашего тела, как будто горячий воздух вокруг горячего слитка металла. Несомненно, это Знак Свыше, это некий Зов! Возможно, некие космические силы»...

Она еще некоторое время говорила какую-то хрень, хитро посматривала на меня черными как маслины глазами, а когда мы оказались на улице, сообщила:

– Ну как тебе?.. Да знаю, что халтура, но ты знаешь, какие она бабки заколачивает?.. Уже трехкомнатную квартиру

купила, от родителей съехала!.. На днях «мерс» приобрела, теперь на права старается сдать...

– Потусторонние силы не помогают? – поддразнил я. – Эх, где бы нам найти такую же шару!..

– Да, – вздохнула она, – все как-то крутятся, зарабатывают. А тут хоть на панель иди...

Я оглядел ее критически.

– На панель?.. Не годишься.

Она обиделась.

– Что у меня не так?.. Сиськи маленькие? Или жопа холодная?

– Да все в порядке, – успокоил я, – и жопой твоей все довольны... насколько слышу в курилке. Только ты москвичка, а места на панели заняты гастарбайтершами. Ты не пойдешь за те гроши. Избалованная потому что. Я тоже избалованный, не иду же дороги асфальтировать или дома строить? Как видишь, пристроился курьером по доставке спортивного питания.

– Самокритичный, – отметила она. – Хорошо.

– Чем?

– Много не запрашиваешь. Другие себя вообще принцами мнят. С такими ценниками ходят!

Я обиделся:

– Ты как на базаре меня покупаешь! Еще за вымя пощупай.

Она прищурилась.

– А в самом деле... где у тебя, говоришь, вымя... Гм, предположим, что ты коза...

Я пугливо оглянулся по сторонам, не видят ли, что меня шупают, мы, мужчины, при всем бесстыдстве оказались в этом мире стеснительнее женщин.

– Эй-эй, – сказал я предостерегающе, – я еще цену не назвал, а ты уже так по-хозяйски!

– Должна же я знать, что покупаю, – промурлыкала она.

– А я не продаюсь, – сказал я.

Она широко раскрыла глаза.

– В самом деле?

Я ощутил, что в самом деле ляпнул какую-то высокопарность в нашем рыночном обществе, будто в дешевом кино, сейчас бы еще о служении Отечеству и нравственности, но теперь что делать, надо играть до конца, сказал строго:

– Я стою дорого, особенно в одежде.

– Ух ты!

– Вот такие мы, скифы, – добавил я зачем-то.

Она наморщила носик.

– Ах да, скифы... Старые или новые?

– Старые, но упдайтенные, – пояснил я. – Ладно, Наташка, тебе хорошо трепаться, а у меня рюкзак не только на спине, но и на голове. Увидимся!

Остаток дня тянулся мучительно медленно. Мама пришла с работы рано, я не успел поэкспериментировать всласть,

только начал, и хотя приволокла для проверки большую стопку школьных тетрадок, явно контрольных сочинений, все равно есть шанс, что внезапно вздумает зайти ко мне в комнату с каким-нибудь вопросом.

Зато, едва наступила ночь, я выбрался из постели и, сунув голову в стену, снова с чувством страха и восторга рассматривал трубы, провода, кабели. Странное ощущение, словно зрю трехмерную модель на компьютере, где сама стена в сером, а коммуникации цветные: водопроводные – голубые, силовые кабели – красные, телефонные провода – оранжевые. Арматура внутри стен проступает ровными коричневыми штрихами, похожая на частую гребенку, которой великаны расчесывают таких же великанских коней.

Странно, еще вчера не различал цвета так четко. Можно сказать, вообще не различал. Приспосабливается мой организм, приспособливается...

Я прислушался: мама спит. Хотел было двинуться по стене, но нужно пробовать с одеждой, долго перебирал гардероб, не так уж, как у кинозвезд, но все равно перебирал, отыскал еще одну старую майку, что затрещала, когда натянул на нынешние плечи. Джинсы надел все те же, старенькие, едва влез, зато не болтаются, не завязну в бетоне. Хотя на работе не планирую вдавливать в стену, но так, на всякий случай. Не в лесу живем, где с неожиданностями туго.

Поколебавшись, натянул кроссовки, а шнурки, чтобы не болтались, заправил вовнутрь. Снова вошел в стену, стара-

ьясь ничего не задеть, в смысле – телефонной или электропроводки, не говоря уже о кабеле, кто знает, что будет, но металлические прутья арматуры преодолеваю все так же намного проще, чем бетон.

Коснувшись водопроводного стояка, ощутил сопротивление металла, однако по нервам пробежало и другое чувство, странное, пугающее и в то же время – влекущее. Поколебавшись, я расслабился, постарался отдаться этому чувству целиком, перед глазами замелькали образы, схемы, я увидел геометрически правильное переплетение голубых нитей, сложную трехмерную модель, часть уходит вверх, а все остальное – вниз. Там эти голубые нити врезаются в другие, более толстые, расположенные горизонтально. Они тянутся из тумана и уходят далеко в туман...

Я наконец сообразил, что это водопроводные трубы, соединяющие дома, вот они тянутся дальше, дальше, вон там нечто странное, как будто фонтан, но откуда фонтан на такой глубине...

Легкий электрический разряд прокатился по телу, настолько слабый, что я не обратил внимания, весь старался понять, что же такое увидел, и тут второй разряд пронзил тело, меня дернуло, все замелькало перед глазами, с огромной скоростью перед глазами замелькали лопасти вентилятора, откуда он взялся, через долгое мгновение сильный удар сотряс всего, каждую клетку тела. Я упал, задыхаясь, ладони проехали по склизкому каменному полу. Со всех сторон сы-

рые каменные стены, воздух спертый, влажно, как в бане.

Темно, я торопливо вытянул руки, не понимая, что со мной случилось и куда попал. Очень высоко сверкает, как одинокая звезда в небе, луч света, веки хлопают с таким усилием, что еще чуть – и подниму ураган, но глаза постепенно привыкают. Шерсть встала дыбом, когда я с ужасом сообразил, что нахожусь пугающе глубоко. Так глубоко, что словно очутился на дне глубокого ущелья.

Под ногами толстая труба, очень толстая, в нее врезана труба, поставленная вертикально. Вот сбоку колесо, рычаг, даже заржавевший манометр. А стены округлые, труба торчит внутри этого бесконечного цилиндра из бетона, как пестик в чашечке втянутого раструбом вверх цветка, и уходит высоко-высоко...

– Как я отсюда выберусь? – пробормотал я.

Присмотревшись, обнаружил в стене покрытые влагой и плесенью металлические ступени. Сразу стало легче, тут же начал карабкаться вверх. О том, чтобы попытаться вернуться тем же путем, как и попал сюда, нечего и думать: вдруг да занесет в такое место, откуда не выберусь. У меня всегда было неважно с ментальной дисциплиной, а сейчас так и вообще хреново. Это Антипыч связывается через задний космос по ментальному каналу с Высшими Существами, а мне и с боссом нашей фирмы договориться трудно.

Руки тряслись, когда взялся за скобы. Вообще-то я обожаю только компьютерные приключения, когда иду в крутых

доспехах и мочу монстров длинным мечом, но в реале подниматься по бесконечной трубе, как Фримен, очень неудобно и страшновато. Жутковато даже.

На половине пути руки не только тряслись, но и едва держались за скобы, что не только покрыты слизью, словно по ним ползают медузы вверх-вниз, вниз-вверх. И ноги стали такими чугунными, что едва втаскиваю за собой, трепещущим.

Или это они меня едва поднимают со ступеньки на ступеньку. До чего же страшно двигаться по вертикальной стене! А под ногами пропасть, где совсем недавно я был в сравнительной безопасности...

Я перевел дыхание, хрен отдохнешь вот так, вцепившись чуть ли не зубами, пальцы ноют, ослабели, преодолел еще несколько метров вверх, отдохнул, снова поднялся и с ужасом ощутил, что уже не отдыхаю, даже замерев в неподвижности. И что еще немного вот так постою на железной скобе, и пальцы разожмутся...

Ноги мои, треща от натуги, принялись поднимать грузное, оказывается, тело, на фигу я качался, сейчас каждый грамм лишний, в глазах расплывается от едкого пота, я двигался почти в забытьи, помня только о том, что надо наверх, и когда уже готов был разжать пальцы и упасть, голова уперлась в твердое.

Труба заканчивалась изящным решетчатым колпаком из толстых пластин железа. Свет уличных фонарей показывает,

что выкрашено в зеленый цвет. Я посмотрел в щели и понял, что труба воздухозабора расположена посреди зеленой лужайки. А дальше маячит величественное здание... если не ошибаюсь, Большой театр. Шумит фонтан, переводя воду даже ночью.

Страх, что я не выберусь, сменился дикой радостью, когда я увидел, что крышка заперта на солидный висячий замок, расположенный... изнутри! Это чтобы открыть мог только тот, кто поднимается снизу, а не каждый обыватель, что сумеет подобрать ключ.

Некоторое время я смотрел тупо на замок, прикидывая, как открыть, пока не сообразил, что нужно только снова привести себя в иное состояние, после чего уже без труда продавился сквозь железную преграду, упал на траву и долго лежал, жадно хватая ртом воздух и глядя на мутные звезды.

– Эй, парень, – послышался издали опасливый голос. – Тебе плохо... или просто перебрал?

Шагах в десяти на тротуаре остановился немолодой мужчина с палочкой, на поводке болонка, обнюхивающая каждый бордюрный камешек. Я помедлил, решил не вставать, чтобы не напугать, ответил мирно:

– Ни то, ни другое... Подумал, что последний раз в жизни видел небо лет десять назад. А ночное вообще вижу впервые...

Он внимательно всматривался в меня, я почти сливаюсь с травой, спросил с удивлением:

– Поэт, что ли?

– Да какой поэт, – ответил я и заложил руки за голову. – Разве люди не должны хоть иногда смотреть на небо? Это красиво. Возвышает...

Он покачал головой.

– Мало ли что люди должны. Я в детстве в каждом облаке видел дракона или верблюда, а сейчас смотрю только под ноги да на светофоры. Нормальным стал.

– Это норма?

– Что делает большинство, то и норма.

– А не норма?

Он сделал неопределенный жест.

– Все эти поэты, изобретатели, профессора... про которых придумывают анекдоты. Это за чертой нормальности. Немножко сдвинутые.

– А мы?

Он вздохнул.

– А это уж решайте сами. Но безопаснее жить нормальным. Общество ориентируется на тех, кто живет без всяких там неожиданностей.

– Неужели все общество?

– Все, кого называют нормальными.

– Вот и я вспомнил, – ответил я, – что давно не видел воздушные замки. Хотя звездное небо ничуть не менее красивое, чем дневное...

Он с натугой взглянул на небо, даже я услышал, как хруст-

нули шейные позвонки, глубоко вздохнул.

– Да, мельчаем... В детстве готовимся мир перевернуть, кучу благородных дел насоздавать, а потом как-то незаметно...

– И вы? – спросил я в замешательстве.

Он ответил с некоторой обидой:

– А что, я так и родился стариком?.. Ладно, Бетти недовольна, ей нужно гулять. Вы все-таки не лежите долго. Как ни крути, а от земли тянет... не всегда хорошим. Застудите почки, вспомните на больничной койке звездное небо. Да и... гм... на этой клумбе собачки любят отправлять свои нужды. Так что уж будьте поосторожнее.

Они ушли, я наконец поднялся, чувствуя себя достаточно отдохнувшим, в мои семнадцать достаточно вот так пять минут, в то время как моей маме для полного отдыха нужен целый вечер. А то и отпуск на пару недель. Этот старик, наверное, всегда чувствует усталость.

Пахнет чем-то слишком знакомым, совсем не духами. Подошвы потяжелели, словно прошел по вязкой глине. Да и локтем вляпался, промокло, будто в болото окунул...

У фонтана кое-как отмылся, штаны вроде бы чистые, а то бы мое любованье звездным небом запомнилось крепче. Правы осторожные обыватели: ходят себе остороженько под стеночкой протоптанной тропкой, и хоть никакого неба, ни звездного, ни с огненными воздушными громадами замков, зато и не вляпываются.

В свой район добрался под утро. Перед домом долго топтался, прикидывая, что бы соврать, что вот так вдруг исчез, а сейчас звоню в дверь и прошу впустить. Хорошо Генке Криворукому, он на три месяца моложе, но у него уже подружка с собственной квартирой. Правда, ей под тридцать, но с виду совсем девчонка, он не стесняется с нею бывать даже на дискотеках. Дяде Пете еще проще: у него таких подружек по городу миллион, любой позвонит, и, если не занята, впустят и среди ночи...

Я мялся, как буриданов дурак, пока не сообразил, что вернуться можно так же, как и выскользнул. Ночь, нигде никого, народ в окна не смотрит, я начал обходить дом, держась одной рукой за стену, вот здесь тьма сгущается так, что хоть глаза выколи, выбрал момент и прижался, вмялся, чувствуя, как вхожу в теплую субстанцию, сейчас похожую на плотную воду, побрел в этом сером тумане к красным нитям, где пурпурным лучом прожектора горит прямой столб стояка.

По металлической трубе вверх понесло с невыносимой скоростью, я, правда, успел остановиться раньше, чем оказался на крыше, но все равно промахнулся на три этажа.

Уже выйдя из стены в своей комнате, я торопливо разделся и юркнул под одеяло.

Надо научиться себя контролировать. Надо! Иначе занесет куда-нибудь... Что у меня за организм такой... склонный к путешествиям? Атавизм?

Глава 6

Ночью в неглубоком сне меня носило уже и по телефонным проводам, забрасывало в темные бездны, я падал и просыпался, вскрикивая в темном ужасе, снова проваливался в сон. Кровь будто вскипала в венах, но иногда прокатывались волны лютого холода, словно я голым ремонтирую шаттлы на лунной орбите.

Проснулся разбитым, две чашки горячего кофе с трудом привели в себя. Дремал, пока трясся в вагоне метро, едва не проехал станцию. Шеф, понятно, прибыл раньше меня, но не фиг ставить себе это в заслугу: будь боссом я, тоже приезжал бы раньше, чтобы повыпендриваться.

Вера Борисовна поставила передо мной доверху наполненный рюкзак. Лицо довольное.

– Хороший заказ, – сообщила она доверительно. – Самые дорогие протеины, гейнеры... Не иначе, чемпиона готовят. Торопись, тебе с двумя пересадками. Товара на тридцать семь с половиной тысяч! С такой суммой доставка бесплатная, обязательно скажи. И добавь, не забудь, при следующем заказе скидка в три процента, а потом в пять...

Я вздохнул, закинул на плечи лямки. Впрочем, заказ в самом деле хорош. Это намного лучше, чем когда заказывают пять человек по двести рублей каждый. И все в отдаленных районах.

– Возвращаться? – спросил я с надеждой, что ответит «нет».

Она задумалась, я замер, наконец она взглянула на меня и сказала потеплевшим голосом:

– Поступить готовишься? Да, на это надо время... Ответи, а накладную с подписью получателя привезешь завтра утром.

– Спасибо, Вера Борисовна!

– Да не за что, – буркнула она.

– Есть, есть за что, – заверил я и, поправив рюкзак, заспешил к выходу. пока не передумала.

Район отдаленный, зато повезло с веткой: пересадки необременительные, а сам дом напротив выхода из метро. Я сверился с адресом, дом хорош, чист, домофон не расковырян юными техниками. На мое нажатие условной комбинации ответил грубый мужской голос:

– Ну?

– Доставка спортивного питания, – ответил я.

– Заходи, – сказал голос, в двери шелкнул невидимый замок, – двенадцатый этаж.

– Спасибо, – ответил я вежливо.

Лифт поднял без помех, ни разу не застряв и даже не заскрежетав, как визжит и скрежещет в моем доме, я вышел на вылизанную до блеска лестничную площадку. Дверь с нужным номером, я вдавил палец в кнопку, выждал чуть, давая возможность подойти и рассмотреть меня на экране, сейчас

все квартиры оборудуются такими штуками.

Дверь открыл крупный массивный мужик в рубашке без рукавов, что и понятно: никакие рукава не в состоянии вместить бицепсы в сорок сантиметров, а у этого не меньше. Грудь как бочка, весь медведистый, широкий, такие и без протеинов растут силачами. Молча кивнул мне в сторону кухни.

На кухне двое, такие же крепыши, одному вообще лет семнадцать, но накачанный, смотреть страшно. С интересом посмотрел на мой рюкзак:

– Ого!.. Это все стероиды?

– В основном протеины, – ответил я, дивясь его невежеству. Протеины и гейнеры обычно берут в трех-пятикилограммовых банках, в то время как все остальное – в пузырьках да флакончиках. – И один гейнер от Твинлаба.

– Солидная фирма, – одобрил он. – Слышал, у них это... как его...

– Перекрестная ультрафильтрация, – подсказал я. – И низкотемпературная керамическая очистка сывороточно-го белка.

– Да-да, перекрестная фильтрация, – согласился он. – Слышал, Фокскиллер?

Второй, который Фокскиллер, коротко усмехнулся, взглянул на меня остро, но смолчал. Я понял, знает насчет перекрестной фильтрации, которая давно уже не новинка, на сегодня новинка именно Твинлаба, как раз она дает взрывную

силу и чудовищный прирост массы, хотя еще неизвестно, какие у нее побочные явления. А чем продукт мощнее, тем эти побочные наверняка чудовищнее.

Я передал ему накладную, чтобы следил за тем, что выкладываю на стол, третий оставался в прихожей, потом и он, заинтересовавшись, пришел к нам, брал в руки и старался разобрать надписи на английском.

Младший задал пару довольно глуповатых вопросов, я отвечал по делу, предмет знаю, Фокскиллер сказал наконец с одобрением:

– Хорошо, что понимаешь... А то обычно курьеры такие, что понятия не имеют, что носят.

Второй чему-то заржал. Я ощутил недосказанное, но смолчал, мое дело доставить, получить деньги и поблагодарить за покупку. Фокскиллер вынул бумажник, начал отсчитывать, я следил внимательно, он бросил на стол тридцать восемь бумажек по тысяче, спросил:

– Тридцать семь с половиной?.. Мелких не держим, остальное тебе за лекцию.

Я протянул руку к деньгам, в это мгновение в прихожей прозвенел резкий звонок. Я взял деньги и еще раз пересчитал, все верно, неслыханно повезло: сразу пятьсот рублей чаевых. Младший открыл дверь, в прихожую ввалился запыхавшийся парень, лицо белое, жадно хватая ртом воздух.

– Леху замели!.. – прохрипел он. – Вместе с товаром!.. Думаю, подстава...

Фокскиллер выругался, подбежал к окну. Второй отвел новоприбывшего на кухню, тот увидел меня, напрягся. Здоровяк небрежно отмахнулся:

– Да это посыльный, товар принес. Нет, не нашенские, спортивные. Сейчас уходит...

Фокскиллер, поглядывая в окно из-за шторы, бросил коротко:

– Никто не уходит.

Младший посмотрел на него, на меня, на лице появилось понимание, вместе с тем смущение, как будто должен обидеть напарника, с которым уже давно работает.

– А вообще да... Парень, побудь в ванной. Мы переговорим, ты не должен слышать.

– Конечно-конечно, – согласился я. – Ничего не слышал, никого не видел!

Он затолкал меня в ванную, я слышал, как щелкнула щеколда. Голоса отдалились, меня затрясло, надо же так вляпаться, это же бандиты, этот дурак их нечаянно раскрыл, по крайней мере передо мной раскрыл, теперь знаю, что у них пистолеты и что как-то связаны с наркотой. А где наркота, там большие деньги.

А где большие деньги, додумал мрачно, там жизнь ничего не стоит. Депутатов и членов правительства мочат, как кур, даже как курей, что им прихлопнуть мальчишку-курьера, о нем никто и не вспомнит...

Голова разогрелась от суматошных мыслей. Горячий лоб

коснулся стены и продавил ее, как масло. Слеп, начал погружаться все дальше, в темноте проступило серое, осветлело, я ощутил, что до выхода из стенки осталась пара миллиметров, затих, прислушиваясь, затем очень осторожно, остро сожалея, что глаза у меня не на щупальцах, выдвинул часть морды лица.

В коридоре пусто, на кухне возбужденные голоса. Донеслось:

– Костя, ты постой у двери. Смотри за площадкой, ничего не упусти. Ты, Хорек, быстро пакуй товар. Если уйдем без него, нам не жить, хозяин отыщет и на морском дне. Здесь на пару миллионов долларов!

– Да знаю-знаю, – донесся испуганный голос. – А что с тем парнишкой?

– А то, – ответил невидимый мне старшой. – Ты обгадил-ся, тебе и мочить.

– Мне? Мочить?

– А что, лучше, если в ментовке заложит?.. Начнут спрашивать, все приметы выложит!

Хорек сказал плаксиво:

– Да я никогда...

– Цыц! Когда-то начинать надо и тебе.

– Фокс, может быть, ты?

– Делай, – велел Фокскиллер жестоко. – А мы машину подгоним и посмотрим, чтобы все чисто.

А тот, который Костя, добавил:

– Долго не возись. Если те уже едут сюда, то мы ждем десять минут и уматываем.

– Без меня?

Фокскиллер бросил уже от двери:

– Тебе здесь работы на три минуты.

Они уже открыли дверь, младший вскрикнул испуганно:

– А если вы уедете, куда мне?

– Уходи к Немому, – велел Фокскиллер. – А нам нельзя рисковать засветкой.

Послышались шаги, я поспешно вдвинулся обратно в ванную, осмотрелся дикими глазами. Ничего лишнего, обычная ванная, куча всяких дезодорантов и мазей на полке, словно здесь живет женщина или педик, два шкафчика по углам, там тоже всякая мелкая хрень, я поспешно упал на четвереньки и заглянул под ванну. Там, в пыли, среди пыли и грязи, какие-то палки, обломки вантуза и швабры, а также... ломик, настоящий ломик! Поменьше тех, которыми дворники скалывают лед, эти вроде бы зовутся на воровском жаргоне фомками, но когда я ощутил надежную тяжесть в руке, на душе заметно полегчало.

Конечно, можно целиком уйти в стену, пусть строят догадки, куда делся пленник из запертой ванной, но со злости могут уничтожить одежду, а что я буду делать голым? Да и потом как объясню все случившееся хотя бы милиции? Или знакомым, которым могу позвонить с просьбой насчет одежды, когда эти трое уйдут...

Голова хоть и разогрелась, как кастрюля с выкипевшей водой, но работает четко, картинки вижу ясно, руки перестали вздрагивать. Прижав ломик как можно плотнее к телу, так что почти погрузился в живот, я втиснулся в стену, продвинулся к внешней стене дома, осторожно выглянул.

Двое выбежали из подъезда, я видел, как заученно прыгнули в машину. Мотор заработал, автомобиль выдвинулся из ряда и, совершив лихой разворот, остановился у подъезда. В это время молодой бык, шумно вздыхая, закончил собирать в сумку пакеты с белым порошком, поднялся и с угрюмо-решительным лицом пошел к двери ванной.

Я вжался в стену, сквозь серую пелену видел, как парень вытащил и раскрыл большой нож. Мне стало дурно, перед глазами поплыли красные кольца. Кое-как собрался, а бык уже открыл дверь. На угрюмом лице медленно проступило недоумение. Он оглядел ванную, сделал шаг, снова огляделся тупо. Зачем-то заглянул в шкафчики, где хранят шампуни да рулоны с туалетной бумагой.

– И что я Фоксяре скажу? – произнес он вслух.

Опустился на четвереньки и заглянул под ванну, хотя туда не всякий кот сумеет протиснуться. Я выдвинулся до половины, взял ломик в обе руки и с размаха ударил по затылку. Ладони слегка трянуло, раздался треск, словно раскололся большой глиняный горшок. Руки бандита подломились, он без звука распластался на полу. Из расколотого черепа потекла густая темно-красная кровь.

Меня затрясло, никак не думал, что расколю с такой легкостью, я вообще-то хотел только оглушить, бросил ломик, выбрался из стены. Шатало, едва успел переступить быстро растекающуюся лужицу крови. Одежду ухватил на бегу, оделся уже в прихожей. Трясет все сильнее, зубы стучат, как от сильнейшего холода.

Внезапно захотелось есть, ухватил со стола кусок сыра и сожрал, как голодная мышь. Чуть отлегло, на глаза попались мои банки с протеином, я поспешно сложил все обратно, убрал накладную с корявой подписью старшего. Двигался суетливо, но осторожно, ни к чему стараясь не прикасаться, вдруг из милиции приедут такие продвинутые, что умеют даже отпечатки пальцев снимать. С огромным сожалением посмотрел на пистолеты. Жуть как хочется взять, у мужчин в крови тяга к оружию, но вдруг да по дороге домой встретят для проверки документов? Вроде бы не похож на кавказца, но с другой стороны – лезгины и кумыки в основном блондины...

Заглянул в ящик стола, застыл. Оскорбительно для долларов, чисто по-русски, пачки зеленых перехвачены аптечной резинкой. Я не знаю, сколько в такой пачке, никогда не видел столько денег, но это много, чудовищно много...

Такой шанс выпадает раз в жизни. Второй раз не поступится, это всякие напасти колотятся в двери и окна с утра до вечера ежедневно и все двадцать четыре часа в сутки.

Я запихнул пачки в рюкзак, платком вытер дверную ручку

и все поверхности, которых касался, прихватил сумку, которую упаковал Хорек, и тоже забросил в рюкзак.

Глава 7

За окном машина сорвалась с места и на скорости понеслась по узкой дорожке между домов в сторону широкой улицы. Я поспешно вышел, квартирная дверь захлопнулась со щелчком, я вызвал лифт и поспешно вошел в кабинку. Время рабочее, никто не подсел по дороге, а из дома я вышел, привычно сторбившись и пряча лицо.

Когда я сворачивал за угол к метро, к дому на большой скорости подлетели две машины с затемненными стеклами. Из одной сразу вышли четверо крепких ребят и бросились к подъезду. Из второй машины никто не высунул носа, хотя мне чудилось, что там тоже не меньше четверых бугаев.

Я еще больше сторбился, впереди показался приближающийся троллейбус, сразу несколько человек ускорили шаг, а двое пустились вприпрыжку. Побежал и я, а когда троллейбус остановился, я нагло втиснулся в салон в числе первых, хотя обычно пропускаю стариков и женщин, ну не может сын учительницы иначе.

Дрожащими руками, не попадая ключом в дырочку двери своей квартиры, отворил кое-как, ввалился в прихожую.

– Мама, ты дома?

Заглянул во все комнаты и кухню, пусто. Ноги подкосились, я едва дотащился до дивана и рухнул. Крупная дрожь начала бить с головы до ног. В троллейбусе и в метро как-то

держался, вокруг люди, но сейчас чуть не визжу: я же убил человека, я же в самом деле хотел только оглушить, но впервые вот так человека, паника ударила моими руками изо всех сил...

Зажмурился, но этот момент, когда толстый металлический стержень с силой бьет по лысой голове, запечатлелся, как на киноплёнке, и проигрывается раз за разом. И нельзя дэлэйтнуть или эразить, можно надеяться только, что со временем запортится, потускнеют краски, перестанет волновать... вот так, как сейчас.

Перед приходом мамы наконец-то раскрыл рюкзак, банки со спортивными добавками пораспихивал так, чтобы не спросила, почему сразу столько и откуда на них деньги взял. А вот доллары перекладывал с места на место, торопился, любая щель кажется ненадежной. Не под матрасом же прятать, мама начнет перестилать, сразу наткнется...

Одну пачку пересчитал, десять тысяч долларов. А таких пачек тридцать штук. С ума сойти, да я прибавку в полсотни зеленых жду как не знаю какого счастья, уже придумал, на что буду тратить, а здесь...

В прихожей прозвенел звонок, я прибежал, посмотрел в глазок, мама улыбнулась и кивнула, одобряя, что не открываю кому попало, а то ходят тут всякие, среди них могут быть и грабители. Я повернул защелку, дверь открылась.

Мама внимательно посмотрела на мое лицо и влажные волосы.

– Умылся? Хорошо, а то стал забывать... Приходишь с улицы – надо обязательно мыть руки.

– Да, мама, – ответил я послушно. Она в удивлении вскинула брови, не ослышалась ли. Вообще-то я никогда не хамлю маме, как почти принято у многих, но и особого рвения не выказываю в обязательных ритуалах, как то чистить зубы на ночь, кому мне во сне улыбаться, или непременно мыть руки в туалете, будто только что держался за невыразимо смрадную мерзость, а не за то, что теперь называют мужским достоинством ввиду потери настоящего мужского достоинства.

Она ушла мыть руки и готовить ужин, через десять минут заглянула ко мне. Лицо взволнованное, в глазах тревога, что только усиливается с каждым годом.

Я сидел перед компьютером, мама деликатно зашла с другой стороны, чтобы не видеть, что у меня на экране.

– Почему с работы так рано? – спросила она с тревогой. – Вашу фирму закрыли?

– Все в порядке, – ответил я с натужным оптимизмом. – Меня перевели на работу еще выше! Теперь обрабатываю заказы. Видишь, новый файл открыл...

Она даже не посмотрела на комп, для нее это непонятное чудище, и ко всем, кто работает, а не играет, испытывает огромное уважение.

– А платить будут?

Не спросила, будут ли платить вообще, деликатная, щадит

меня заранее, я заверил с еще большим оптимизмом:

– Вдвое больше!

Она не поверила, покачала головой:

– Что, вот так будешь сидеть дома, а тебе еще и платить будут?

– Мама, я не просто сидеть буду, а работать!

– Дома?

– Мама, сейчас только токари работают стоя, а программисты – сидя. Наша работа ценится.

– А отвозить как?

– По емэйлу, – объяснил. – На Западе некоторые фирмы вообще не видят своих работников годами. Это очень прогрессивно.

– Что ж тут прогрессивного?

– Никакой дискриминации, – объяснил я. – Хозяин даже не знает, белый или негр на него пашет. И к женщинам под юбку не залезешь. По Интернету это как-то еще не получается, хотя научная мысль в этом направлении работает с ужасающей силой.

Она поморщилась.

– Какие гадости говоришь... Но если все так, то... ты уж держись за эту работу.

Она вернулась на кухню, откуда уже начинают заползать ароматные запахи жареного мяса, горячего супа.

Потом, как обычно, сядет проверять тетради, а вот мне надо думать, что делать дальше. Я вообще влип. Следов, прав-

да, не оставил, найти не сможет ни милиция, ни братки, но что самому делать с мешком долларов?

Сегодня на работу не пошел – глупо уродоваться за десять-пятнадцать долларов в день, когда у меня триста тысяч. Едва мама ушла в школу, я отправился на вокзал, в автоматической камере хранения поместил объемистый сверток в металлический ящик, закрыл, подергал, так все делают, и ушел с деловитым видом челночника: еще много надо оббежать мест, отовариться, чтобы успеть к своим животным в Бобруйск.

Дома оделся в тугие джинсы и майку, пора побродить по дому, в котором обитаю. А то живу себе и живу, а соседей не знаю. Как дальних, так и ближних.

Температура в теле начала спадать, хотя остается чуть выше обычной, ломота в костях прошла. Организм, похоже, приспособливается к новым условиям. Человек – это, по сути, гомеостат. То есть устройство, которое автоматически из любого состояния стремится вернуться к исходному, к норме, когда температура тридцать шесть и шесть, давление сто двадцать на восемьдесят, какой-то там процент щелочности и кислотности крови, словом, чем бы мы его ни раскачивали – болезнями, похудениями, тренировками, стрессами, пытками или разводами, – он лишнее выводит с мочой, нужное накапливает, а то и синтезирует сам.

Он любой ценой стремится восстановить свои тридцать

шесть и шесть, нужную кислотность в крови и в желудке, словом, сделать все «как было», а если не удастся, то просто прекращает свое существование: не жить же уродом, их надо выбраковывать.

Только теперь соображаю, что так удачно наклонял функции организма в одну сторону, перестраивая их весьма кардинально, что организм и вернуться в прежнее состояние не смог, и склеить лапы вроде бы нет ясно выраженной необходимости: аминокислоты и все необходимое вроде бы получает, даже в избытке...

И он принял единственно возможное решение: создать гомеостат на основе новых возможностей. Если получится, эсно. Более того, я не откинул копыта в процессе становления, отделался жаром, чесоткой и жутким псориазом, а затем организм приспособился и... все еще приспособливается, осваивает новые возможности, о чем говорит моя способность не только проходить сквозь стены, но и передвигаться внутри бетонных стен быстрее, чем если бы бегал по гравийной дорожке стадиона.

Если учесть, что продолжаю жрать добавки в огромных количествах, особенно налегаю на аргинин в смеси с орнитинном и глицином, то я помогаю организму осваивать новые возможности. Интуиция не подводит, все легче прохожу сквозь стены и арматуру, проводку вижу не только в комнате, но и в соседних помещениях, странное такое ощущение... С первых попыток просовывать в стену палец моя аура, или

эманация, как предпочитает говорить Ганнусенька, усилилась, теперь без труда прохожу сквозь стены уже в одежде.

И вот теперь, похоже, перешел на другой, пока еще плохо контролируемый уровень: начинаю проскакивать по металлическим трубам. Того глядишь, начну по проводам... хотя это пока что в разделе маниловщины. А если еще и по мобильнику, да в режиме ожидания...

Я покачал головой, вошел в стену.

Долго смотрел, как принимает душ Галина Юрьевна. Наверное, это что-то нехорошее в психике, но я смотрел неотрывно, как эта зрелая немолодая женщина с ухоженным телом моется, а потом деловито подбривает отрастающие волосики внизу живота. Полные груди отвисают под тяжестью, но именно полные, под такие так и тянет подставить ладони.

Странно, даже в таком вот состоянии, находясь внутри стены, я чувствовал нарастающее возбуждение. Так и хочется выйти, ухватить за эти сиськи и понаслаждаться ее сочным переспелым телом. Судя по ее учащенному дыханию, будет не против, уже и так близка к оргазму, а если рядом окажется молодой парень, то неважно, откуда взялся, сразу же полезет на него обеими ногами...

Я вздохнул, заставил себя попятиться и пошел дальше. У Ганеевых, Белчиковых и Орурцовых в квартирах пусто, все на работе, а дети в школе, в квартире Демидова сам хозяин неторопливо ремонтирует разваливающийся стол, прекрасно понимая, что хороший стол должен выдерживать дво-

их, еще из одной квартиры доносится визг дрели, туда тоже неинтересно...

В нашем доме я заприметил яркую молодую женщину. Сперва она показалась моей ровесницей, настолько молодо держится и одевается, потом узнал, что ей уже тридцать, но чем-то задела: раза четыре я в сладких снах мял ее и тискал, просыпаясь с мокрыми трусами. Сейчас я отыскал ее квартиру, красотка оказалась дома. Я долго наблюдал за нею: она изумительно сексуальна и вот так, когда ни для кого не рисуется, когда в задумчивости почешет то задницу, то нос...

Собирался идти дальше, но она сбросила халат и вошла в ванную, где уже набиралась вода. Я затаил дыхание, это не мои одноклассницы, у которых сиськи бывают и покрупнее, но еще нет этой красоты тела, натренированного привлекать жадные мужские взоры, нет сексуальности каждого изгиба, каждого движения...

Она опустила в ванну со вздохом наслаждения, некоторое время лежала, разведя ноги и наслаждаясь невесомостью, я едва не высунулся целиком, стараясь ничего не пропустить, наконец она принялась медленно и отрешенно проводить ладонями по телу, груди округлились и приподнялись, и уж совсем столбиками вздыбились крупные ярко-красные соски.

Я смотрел и смотрел, не сразу сообразил, что она уже трогает себя длинными наманикюренными пальчиками в низу тщательно подбритого живота, выгибается, закидывает го-

лову, наконец, из полураскрытого рта вырвался короткий вздох, похожий на сдавленный крик, пальцы стали двигаться медленнее, но мастурбировать не прекратила.

Вообще-то многие женщины, принимая ванну, занимаются мастурбацией: горячая вода и расслабление действуют приглашающе. Конечно, то же самое и с парнями, даже чаще, но это совсем неинтересно, у меня здоровые инстинкты... даже без примеси легкого вуайеризма, ибо смотрю потому, что могу смотреть, а специально подсматривать не стану.

А эта красotka, что ж, это лишь добавило симпатии к ней. Куда хуже, если бы я застал ее с каким-нибудь типом, который мял бы ее в постели, и она стонала бы вот точно так же.

В квартире Коровиных трое мужиков перебирали тряпки, спорили, сортировали, уговаривались, куда и что кому отнести. Я хотел было переключить дальше, но прислушался насчет барыг, наконец, сообразил, что делят краденое. Поколебавшись, вернулся в свою квартиру, убедился, что антиопределитель номера включен, и позвонил в милицию.

– В сто двадцать третьей квартире, – сказал я, – сейчас трое воров делят украденное. Там три видеоплеера, телевизор и куча фотоаппаратов и мобильных.

– Кто звонит? – потребовали строго.

– Не теряйте времени, – ответил я. – Записывайте адрес... Наш разговор записывается, учтите! Если не приедете, вас всех начальство раком поставит.

Я поспешно отключился, пока не вычислили мое место-

нахождение. Пусть потом запишут раскрытие этой кражи на счет своей уникальной милицейской интуиции. Или промямлят что-нибудь загадочное про тайну следствия.

Глава 8

Пока мама еще в школе, я отправился на рынок, где торгуют старыми автомобилями. Чтобы не привлекать внимания, купил потрепанную «Ладу»: крыло помято, бок поцарапан, кузов снизу подгнил, такую вряд ли станут угонять, зато по городу можно колесить намного быстрее, чем в общественном транспорте, как я привык с детства, да и удобства кое-какие...

Я сел за руль с некоторой робостью, и хотя мы еще в школе всем классом сдали на водительские права, в смысле, мальчишки на права, девочки – на шитье и кулинарию, но сейчас выкатил на улицу с дрожью в коленях. Не тыкался в заборы только потому, что все время в черепе стучит мысль: если разобью или поцарапаю – хватит баксов отремонтировать. Или даже купить другую. Не бойсь, Виталик!

Это помогло вести машину без зажатости. И хотя выбирал тихие улочки и не повышал скорость, и мне сигналили крутые и показывали всякое, но все обошлось.

Сразу убедился, что на российских дорогах нет Шумахеров, зато Похеров и Нахеров – сколько угодно, но я сам не подарок, обнаглел быстро, да и зачем соблюдать все правила, когда могу уплатить любой штраф тут же на месте?

Если соблюдать – пропустишь все радости, в том числе и разворот через двойную сплошную или проезд под «кирпи-

чом». И вообще, когда нарушаем закон – штрафуют, когда поступаем правильно – берут налоги, так какая разница?

Я уже понимаю, что люди, у которых власть, создают правила, а те, у кого деньги, этими правилами пренебрегают.

Время от времени сверяясь с картой, я колесил по городу, высматривая, где и что такое, что мне может понадобится. Кроме бабок, понятно. Хотя на бабки можно купить все, но в некоторых случаях покупка оставляет за собой след. Сейчас даже на тех, кто покупает химические удобрения для огорода, заводят особые дела и берут таких под наблюдение, ибо из простейших удобрений можно изготавливать взрывчатку.

Попутно вспомнил, что у женщин свои правила дорожного движения, быстро это учел и к концу «рабочего дня» уже чувствовал себя на водительском сиденье настолько уверенно, что начал посматривать не только на дорогу, но и на девчонок с обочины.

В магазине, где торгуют подсматривающими и подслушивающими устройствами, я достал продавцов подробными расспросами, как работает, просил продемонстрировать. В самом деле был потрясен: размер с пуговицу, но дает прекрасное объемное изображение в цвете, а если взять поменьше, с булавочную головку, то в черно-белом, зато резкость такая, словно хорошее кино...

Покупать не стал, понятно, ночью проник в кладовую, порылся в бумагах, выяснил, откуда берут, и на другую ночь уже пробрался в огромный склад, где чего только нет,

глаза разбежались. Ну не поверю, что все это прошло через таможню, не та у нас страна, потому и я могу с почти чистой совестью малость отщипнуть, учитывая, что они отщипнули, не заплатив налоги, намного больше.

Я сделал несколько рейдов, перенося эти миниатюрные телекамеры в машину. Мог бы взять сразу мешок, но не пройду через стену, а так после пятого раза сказал себе: хватит, жадность не одного фраера сгубила.

Для пробы первый глазок поставил к соседу, тихому и немногословному Фокину, инженеру в какой-то фирме, подвел провода внутри стены, на экране моего монитора появилась четкая картина его кухни. С работы он возвращается поздно, я переключил на вторую камеру, ту поставил в комнате, посмотрел на мебель и, сильно разочарованный, начал прикидывать, куда и к кому поставить еще.

Автомобиль оставлял на дешевенькой платной стоянке под открытым небом. Всего три остановки на автобусе, а потом огородами-огородами, то есть петляя между домов в глубь чужого микрорайона, чтобы никто из знакомых не увидел, что у меня автомобиль, и не брякнул маме.

Мама посматривает все с большей тревогой, я крепился, наконец сказал бодро:

– Завтра с утра схожу на работу. Хотя я все свое сбрасываю на сервер компании по емэйлу, но, увы, зарплату по емэйлу еще выдавать не научились!

Она вздохнула с облегчением:

– Ну, слава богу. А то уж думала, грешным делом, что все-таки уволили.

– Мама! – возопил я. – Я ж тебе сколько раз говорил, что все больше фирм переводят сотрудников на домашнюю работу! Подумай, им же не надо арендовать помещения, ставить столы... а люди не тратят время на поездку к месту работы и обратно! Любой фирме все равно, как я делаю работу на компьютере: в галстук или в дырявых трусах. Ей главное, чтобы все было сделано хорошо и вовремя.

Она произнесла нерешительно:

– Но как-то непривычно...

– Устаревшие взгляды, – заявил я авторитетно. – Когда-то считали, что главное не работа, а чтоб служащий наработался так, чтобы едва ноги волочил. А сейчас всем важен результат! Вот я и даю... результат. Деньги тоже могли бы посылать по почте или переводить на счет, но в руководстве фирмы одни старики: считают, что хотя бы два раза в месяц все должны являться в фирму чистенькими и трезвыми. Ну, это лучше всего заставить делать в аванс и получку.

Она сказала озабоченно:

– Так ты надень чистую рубашку. Вон там наглаженные.

– И туфли почищу, – пообещал я.

Она счастливо заулыбалась. Как мало надо, чтобы сделать приятное людям старшего поколения!

На другой день с утра выскочил в чистом и наглаженном на лестничную площадку. Правда, не в той рубашке, что при-

готовила мама, а в своей маечке и в тех же тугих джинсах. Единственное, на чем сошлись, это мама их постирала и погладила, из-за чего я опять едва влез в майку, а «молнию» на джинсах застегивал, лежа на столе, как надевают модницы. Торопливо нажал кнопку лифта, уже в кабинке пытался разглядеть себя в осколки зеркала, разбитого и заплеванного, но что увидишь, вдобавок кабинка дернулась где-то между четырнадцатым и десятым, скрежетнуло, свет погас. Я на ощупь отыскал кнопку вызова диспетчерской, с силой вдавил, никто не ответил. Вдавил снова, минуты через три кто-то подошел, сварливый женский голос произнес раздраженно:

– Ну что там?

– Лифт не работает, – сказал я торопливо. – Застрял! Свет вырубился.

– Адрес?

Я торопливо продиктовал адрес.

– Ждите, – сказала она равнодушно. – Я сообщу в аварийную службу. Кто-нибудь, наверное, придет.

– Наверное? – воскликнул я. – Я сижу в этом лифте! А если задохнусь?

– В наших лифтах не задохнетесь, – обнадежила она. – Поменьше собак возите, а то убирай за вами...

– В лифтах гадят люди, – возразил я, – а не собаки! Так когда приедут?

– Смотря где они сейчас, – сообщила она мягче. – Если

близко, то через полчаса. Ну, а если на объекте... Кто знает, сколько там работы. Лифты изношенные, людей мало, одни узбеки...

Я топтался, злой и раздраженный, потом мелькнула идея, сосредоточился, протянул руку. Пальцы без труда прошли через тонкую дверцу. Спohватившись, убрал руку, а вместо нее приблизил лицо, странное чувство, когда вот так продавливаешься через вообще-то плотное вещество, что на самом деле тоже лишь скопление висящих в пустоте атомов, но хотя я понимаю, что и я тоже – собрание висящих в пустоте атомов, но все равно воспринимаю себя как нечто целое...

Так, на лестничной площадке никого. Я с усилием продавился весь, и едва оказался на площадке, чуть ниже хлопнула дверь, послышался женский голос. Я торопливо побежал по ступенькам, поздоровался с женщиной, она выводит на прогулку пуделя.

– Решили размяться?

Я отмахнулся.

– Какое! Лифт не работает.

Она ахнула.

– Господи! Вам пришлось с четырнадцатого этажа?

Я крикнул уже снизу:

– С двадцатого!

Сердобольная женщина, меня пожалела в первую очередь, еще не сообразила, что и ей топать пешком. От дома я доехал до автостоянки, пересел в автомобиль, а уже на нем, как

белый человек среди негров в Африке, добрался до нашей фирмы. Правда, машину оставил за два квартала, вдруг да кто-то увидит, скажет маме... и хотя ее никто не знает, но я человек осторожный, лучше перестраховюсь.

Охранник в дверях только осмотрел мутно, зато в коридоре торопливо курят, жадно затягиваясь, Глеб Павлович и Данилин, они всегда делают вид, что выскочили на минуточку, а так все в работе, все в работе, хотя я их только и вижу либо в курилке, либо вот так в коридоре у приоткрытого окна.

– А, Виталик! – сказал Глеб Павлович жизнерадостно. – А я слышал, что тебя выгнали.

– И я слышал, – поддакнул Данилин.

– С треском, – уточнил Глеб Павлович. – Это правда?

Я ответил очень уверенно:

– Конечно! По мне ведь видно, какой я несчастный?

Они смерили меня взглядами, а я в самом деле на этих протеиновых коктейлях раздался в плечах и нарастил сухих мышц, что позволяет держаться уверенно.

– Да, – сказал Глеб Павлович нерешительно, – заметно.

– Ага, – промямлил и Данилин еще неувереннее, – ты какой-то понурый.

– Вот-вот, – подтвердил я. – Это я так жутко страдаю. Поняли? А вот вы счастливые, вас все еще не выгнали. Ну, бывайте! Я пошел за расчетом...

Глеб Павлович предупредил:

– Сегодня бухгалтер сдает квартальный отчет. В фирме

уже не появится.

Я отмахнулся.

– Да пусть наш славный и доблестный шеф себе мои жалкие гроши в жопу засунет! Кому они нужны? Мне главное – трудовую забрать. И чтоб не считали, что это я вам что-то должен.

Они вообще умолкли, челюсти отвисли. Я двинулся к кабинету босса, спина прямая, а походка пружинистая. Ну совсем похож на того, которого выгоняют.

Глава 9

Павел Дмитриевич возвышается над столом, как бегемот над детской коляской. Глядя на него, никто не скажет, что этот толстяк занимался балетом или пришел из тенниса: бывших боксеров или штангистов-тяжеловесов видно сразу. Но боксером он был в те времена, когда я спортом никак не интересовался по возрасту, так что я застал уже этот гибрид носорога с бегемотом.

Он поднял голову, на меня взглянули маленькие свиные глазки. На столе поблескивают стеклами очки в золотой оправе, но что-то я не видел, чтобы Павел Дмитриевич ими пользовался. То ли стесняется, то ли не догадывается, куда их надевать.

– Здравствуйте, Павел Дмитриевич, – сказал я с преувеличенной почтительностью. – Как ваше драгоценное здоровье? Врачи советуют быстрый бег от всех болезней! Можно – вприпрыжку. И вприсядку временами.

– Не жалуясь, – буркнул он с неприязнью, – а ты, как я вижу, всерьез качаешься?

Я замахал руками, будто отгонял назойливую муху.

– Что вы, Павел Дмитриевич! Здоровому человеку спорт не нужен. А больному – вреден. Я люблю экстремальный спорт – серфинг в «net-mail»е...

– Занятия спортом продлевают жизнь, – сказал он раздра-

женно.

– На десять лет, – согласился я, – но потратить на него придется двадцать. Невыгодно с точки зрения нашей рыночной экономики.

– То нашей, – рыкнул он. – Но у тебя фигура стала получше.

– Лучше спортивная фигура, – согласился я, – чем спортивное лицо. Вообще-то я, Павел Дмитриевич, по важному делу пришел.

Он испытующе оглядел меня с головы до ног.

– Ты? Что-то в лесу сдохло. А я смотрю, совсем появляться перестал. Болел, что ли?

– По мне похоже? – удивился я.

Он продолжал сверлить меня маленькими глазками исподлобья. Во взгляде появилось недоумение, приподнялся, как жаба, что вроде бы и не подпрыгивает, но становится выше и внушительнее, пугая другую жабу.

– Нет, – сказал он наконец, – не похоже. Ты держишься уверенно, как будто хапнул где-то миллион и сумел скрыться.

Я на миг замер, слишком прозорлив шеф, заставил себя улыбнуться.

– Скажите, где хапнуть, может быть, и рискну.

Он кивнул.

– Скажу, скажу. А ты, похоже, работу совсем забросил?

– С чего вы взяли? – удивился я, потом перехватил его

оценивающий взгляд на мои плечи и грудную клетку. – А, это... это реклама нашей продукции. Как видите, действует.

– Дутые мышцы, – фыркнул он. – Может, парафину вколлот? Бицепсы так быстро не растут. Даже если креатин будешь жрать тоннами. И качаться с утра до ночи.

– Качаться нужно только один раз, – щегольнул я знаниями последних достижений в бодибилдинге, – но до отказа. Два раза в неделю. Так что у меня на все хватает времени.

– Так чем ты пришел нас осчастливить? – прервал он.

Я лучезарно улыбнулся.

– Своим увольнением.

Он кивнул, ничуть не удивившись.

– Давно пора. Я всегда говорил, что от тебя толку не будет.

По крайней мере, в этом деле.

– А в каком будет?

– Не знаю, – ответил он равнодушно. – Пока что ты никто.

Никакой. Не определишься сам, никто за тебя этого не сделает. Разве что стоять на почте с высунутым языком, чтобы людям не облизывать марки самим...

– Да уж как-нибудь, – ответил я независимо. – Заявление писать на увольнение по собственному желанию... или как?

– Первый раз увольняешься? – спросил он с интересом. –

Нет, у нас без формальностей. Вот твоя трудовая, я все вписал. Сейчас только дату убытия и... где же она, печать... Вот, все в порядке!

Он дохнул на печать и поставил оттиск в серой книжечке.

Я вздохнул:

– Ну вот, теперь пропахло водкой... Ладно, счастливо оставаться!

– Погоди, – сказал он с удивлением. – А расчет? Все-таки ты в этом месяце пару недель проработал...

Я отмахнулся.

– Какой расчет? Я слышал, что бухгалтер, услышав о моем приходе, скрылась, чтобы деньги не отдавать.

– Остряк, – произнес он неодобрительно. – У нас без формальностей. От той зарплаты прошло десять рабочих дней... это полторы сотни долларов. Из них на вычеты... Ладно, обойдемся без вычетов, и так гроши. На, держи.

Он вытащил из стола, протянул две купюры. Я взял без интереса, сунул в карман. Он смотрел с некоторым напряжением, обычно увольняемые начинают доказывать, что им причитается больше, но меня больше интересовала трудовая книжка, я ее еле всунул в тугий карман первой, а деньги... это разве деньги?

– Куда пойдешь? – поинтересовался он уже спокойнее.

– Да отдохну годик-другой, – ответил я. – Присмотрюсь. Как раз закончится второй срок службы нашего президента... Тоже непыльная работа, если подойти с умом.

– Остряк, – повторил он.

У меня все впереди, сказал я ему взглядом. Я могу быть всем, даже президентом. Он смотрел с непониманием, боль-

но уверенный у меня вид, а он привык видеть меня с согнутыми под гигантским рюкзаком плечами.

Я сказал почти ласково:

– Счастливо оставаться, Павел Дмитриевич!.. Пусть вам будет удача во всем.

Уходя, я чувствовал его взгляд. Вроде бы это он обидел меня, сам знает, нарочито обидел, а я вот не обиделся и даже пожалел его, который уже все, уже весь. И президентом никогда не станет. Вообще уже ничем не станет.

В отличие от меня, который еще может стать всем.

В дальнем конце коридора Глеб Павлович и Данилин все еще курят у открытого окна, но вид по-прежнему такой, словно вот именно в эту секунду выскочили перевести дыхание после изнурительной работы и чуточку курнуть, сделать хотя бы пару затяжек. По дороге две двери с надписями «М» и «Ж», я зашел в первую, у писсуаров двое опустошают мочевые пузыри и неспешно беседуют о футболе.

Не желая им мешать, я зашел в кабинку. На крышке бачка пустой тюбик из-под крема, мокрый обмылок и небольшое шило. Я закрылся на защелку, но, пока сам отливал лишнее, вспомнил, что по ту сторону стены женское отделение. Говорят, там не такие тесные кабинки, и вообще у женщин роскошный зал, где перед огромным зеркалом подновляют макияж.

Предостерегающе пискнул голосок стыдливости, воспита-

ния, что нехорошо-де, я же сын школьной учительницы, но тот, другой голос возразил, что, напротив, хорошо, а вообще ничего нет стыдного в том, что естественно. Стыдиться надо извращений, а я не гомосек какой-нибудь. Перед глазами посветлело, я увидел, словно через матовое стекло, огромное залитое ярким светом помещение, впятеро больше, чем у нас, такие же кабинки, одна закрыта, остальные с распахнутыми дверцами, а перед зеркалом от стены и до стены подкрашивают губы Эмма и Наташа.

Эмма поинтересовалась:

– Слышала, там Виталик, который посыльный, пришел. Вроде бы увольняться.

Наташа сдвинула плечами:

– Хороший парень, но дохлый какой-то.

– Не скажи, он в последнее время здорово накачался!

– Да нет, я о том, что вон Босяков вгрызается во все, как зверь, а Виталий нежизнеспособный какой-то.

– Так тебе Босяков больше нравится?

Наташа передернула плечами.

– Бр-р-р! Нет, конечно.

– А мне казалось, что ты начинаешь принимать от него знаки внимания...

Наташа двинула плечиком.

– Это другое дело. Во-первых, он хоть и не президент всей фирмы, но для нашего отделения – босс. Во-вторых, за ним Стела и Ленка бегают, надо им напомнить, у кого сиськи

больше. Да и вообще... с Босяковым лучше дружить, тебе не кажется?

– Да, – вздохнула Эмма. – Только он конь, понимаешь?

– А тебе лучше, если бы козел?

– Лучше всего баран, – засмеялась Эмма. – У них все как у коней, но еще и стричь можно.

Наташа улыбнулась и ответила так, что у меня уши покраснели. Дальше заговорили о таком, что я поспешно втянулся обратно, услышал по ту сторону дверцы недовольное сопение. От злости цапнул шило, вышел, пряча шило в ладони.

От окна в мою сторону оглянулся Босяков:

– Ну что так долго? Онанизмом там занимаешься?

– Глядя на тебя в дырочку, – согласился я.

Он сказал угрожающе:

– Поговори у меня. Я давно собирался тебе начистить рожу, больно ухлестываешь за Наташкой...

– Успокойся, – ответил я с такой покровительственной улыбочкой, что он остановился в нерешительности. – Сегодня она пойдет с тобой трахаться, у нее как раз кончились месячные. А вот сосать она не любит. Предпочитает анал.

Он спросил, набычившись:

– А ты откуда знаешь?

Я нагло ухмыльнулся:

– Не догадываешься?

И прошел к двери, оставив его с отвисшей челюстью. В ко-

ридоре Данилин уже исчез, а Глеб Павлович широко заулыбался вышедшей из туалета Наташе. Она остановилась потрепаться, он начал что-то рассказывать, картинно помогая дланями и вальяжно прислонившись к стене.

Я быстро оглянулся по сторонам, не видит ли кто, быстро вошел в стену, подобрался ближе. Их вижу, как сквозь все ту же грязную воду, голоса звучат искаженно, но все слышно; я отыскал в кармане и вогнал шило в задницу. Глеб Павлович с воплем отпрянул, лапнул себя за ягодицу, огляделся дико, но я уже убрал шило и ждал, видя их, как через грязный туман.

– Что случилось? – спросила Наташа удивленно.

– Что-то ужалило! – вскрикнул он.

– Пчела, наверное, – предположила она.

– Да какая... – сказал он и прибавил крепкое слово, – пчела!.. Как будто скорпион!

– Нет здесь скорпионов, – сказала она рассудительно, – и пчелы не видно. Она бы уже на полу трепыхалась, умирая... Они, бедненькие, не живут, если ужалят!.. Впрочем, снимай штаны, посмотрю...

Он огляделся.

– Не в коридоре же... Пойдем в кладовку, там и проверим друг другу задницы.

Она посмотрела внимательно, улыбнулась.

– Пойдем. А как тебе моя?

Мне стало тоскливо, сразу расхотелось строить кому бы

то ни было пакости. Кто здесь распространялся, что в фирме преследуют бедную овечку? Наташа еще та овечка, любого волка нагнет.

– На вид, – сказал он, – шикарная. Люблю, когда вот так приподнята...

– Она не только на вид, – сообщила Наташа томно, – у меня кожа нежная, как шелк. И без целлюлита, представляешь?

– Руки чешутся подержать в ладонях эти ягодицы, – признался Глеб Павлович.

Она кивнула.

– Ну пойдем, поддержишь. А то перерыв заканчивается.

Они ушли, делая вид перед курильщиками в другом конце коридора, что каждый идет по своим делам. Кровь бросилась мне в голову, захотелось ринуться следом и как-то напакостить обоим. Большим усилием удержался. Никто никого не преследует, какого хрена я берусь защищать тех, кто в защите не нуждается. Сам дурак.

Впрочем, чтобы идея с шилом не забылась от единичного применения, я прошелся вдоль коридора в поисках применения. На том конце собрались у пожарного крана курильщики, раньше они чувствовали себя хозяевами везде, а теперь им, как неграм, отводят особые места, куда белые люди не ходят.

Я пошел внутри стены, ориентируясь на затемнение в середине. Ближе к краям, где будет соприкосновение с воздухом, стена как бы истончается, что дает мне хороший ориен-

тир, как идти, чтобы не высовываться плечом или боком.

Кстати, я как-то истончаюсь в стене, хотя сам этого совершенно не чувствую, но прохожу же вдоль таких стен, где даже с моим далеко не богатырским размахом плеч высовывался бы в обе стороны!

К стене прижимаются спинами сразу двое, я изготовился ткнуть шилом ближайшего, потом другая идея пришла в разгоряченную голову. Осторожно ухватив кончиками пальцев ткань на заднице, я подтянул ее чуть ближе. А так как мужик и так прислонился задницей, то это «ближе» оказалось на пару миллиметров уже в глубь самой стены.

Хотел и второго, но этот в плотно облегающих джинсах, не ухватишь, а у первого штаны болтаются, как и предписано модой... Он обеспокоенно оглянулся, ощутил неладное, подвигал задницей.

Кто-то сказал сочувствующе:

– Глисты? У моей собаки такое же было. Садится на траву и давай елозить задом! Зуд в анусе, значит.

– Пусть пьет декарис, – посоветовал второй и объяснил занудно: – Это глистогонное.

– У него от другого в анусе зуд, – сообщил третий.

Все захохотали. Еще один произнес задумчиво:

– Вообще-то я мог бы помочь... Совсем за небольшую плату!

– Да ты чё? – добавил еще остряк. – У Тимыча вон какая задница! А ты еще и деньги с него брать хочешь!

– Ну ладно, уговорил. По-дружески могу и за так...

Тимыч, у которого брюки сзади то ли прилипли, то ли зацепились, раздраженно дергался, но штаны не настолько широки, чтобы повернуться в них и рассмотреть, что же держит, а толстая шея не поворачивается даже вбок. Наконец, не выдержав насмешек, рванул, полагая, что прилип к жвачной резинке. Послышался треск раздираемой материи.

Я ожидал, что оторвется лишь крохотный кусочек размером с ноготь мизинца, но ткань разошлась по шву, и на стене повис клок размером с ладонь. Мужики сперва обалдело умолкли, затем грохнули таким хохотом, что один едва не проглотил сигарету.

Тимыч обалдело лапал прореху на заднице, оттуда нагло полезли голубенькие семейные трусы с цветочками, потом зло выматерился, отчего мужики от смеха начали сползать по стенам на пол.

Один наконец заинтересовался, почему же такое случилось с Тимычем, взялся за болтающуюся ткань. Мне можно бы все так и оставить, но я, воодушевленный проделкой, осторожно приблизил из стены палец и кончиком осторожно подтолкнул погруженную в бетон ткань к границе с воздухом.

Мужик дернул, ткань отделилась с легкостью, ощущение у всех осталось таким, что была приклеена к стене просто слюнями. Он с таким недоумением держал клок в руке, что все от хохота вообще сползли на пол и ползали там на карач-

ках, багровые, умоляли знаками не смешить их больше, а то вот прям щас лопнут, как мыльные пузыри.

– Ничего не понимаю, – произнес он в полном недоумении.

Он понюхал лоскуток, дернулся всем телом, брезгливо отодвинул на вытянутую руку, а пальцами другой руки зажал себе нос. С пола слышался уже не смех, а жалостливое всхлипывание. Курильщики хватались друг за друга, пытаются подняться, от смеха руки и ноги становятся как вода, снова сползали по стенам на пол, уже не ржут, а повизгивают, багровые, как вареные раки.

– Так вот... – сказал мужик с лоскутком трагически, – почему курыдохнут... откуда пошел птичий грипп...

Из кабинета директора вышел сам Павел Дмитриевич, нахмурился, но и грозный вид начальника не заставил всех отрезветь. Павел Дмитриевич подошел, начал было интересоваться, что стряслось, но сам ржать начал раньше, чем ему объяснили, больно злой и растерянный вид у Тимыча, зажимающего узкой ладошкой прореху, а ткань кокетливых трусиков так и вылезает наружу, будто ее оттуда выдувает мощным ветром.

Ну дебилы, подумал я. Нашли, над чем смеяться. Человек без штанов остался. Сейчас бабы начнут наперебой предлагать ему помочь с его проблемами...

У нас бабы такие.

Впрочем, они везде теперь такие.

Глава 10

Мама задержалась, пришла возбужденная, обрадованная и расстроенная, все вместе. Оказывается, задержалась внизу, жильцы собрались наконец и выбрали домовый комитет, а маму избрали старшей. Не потому, что выглядит крутой, а как раз наоборот: крутых боятся и не любят, а она такая интеллигентная и тихая, со всеми приветливая, никому никогда грубого слова... вот и попалась. И отказаться не могла.

И сразу же ворох проблем: установить новую дверь взамен той имитации двери, что оставили строители, поставить цифровой замок, нанять консьержек: в соседнем доме уже есть, а его сдали на месяц позже нашего, еще нужно договориться, по сколько собирать с каждой квартиры на оплату консьержек и содержание в чистоте подъезда...

– И на фиг тебе эти хлопоты? – спросил я.

– Кому-то ж делать надо, – ответила она смиренно. – К тому же доплата будет от ЖЭКа в размере целой тысячи рублей!.. За свет и за воду будем платить половину стоимости...

Я вдохнул, не зная, как сказать, что теперь мы ни в чем не будем нуждаться. Что зарплата моя будет расти стремительно, что больше ей не придется брать дополнительные уроки и вести параллельный класс.

– Это мелочи, – сказал я.

– А самое главное, – добавила она, – все уклоняются от

такой работы, но, если не делать, дом превратится в свалку. Уже и так... Какой чистый и красивый сдали строители! С каким ликованием мы вселялись! А сейчас загаживаем так быстро, что скоро будем задыхаться в смраде... На субботу наметили провести собрание. Будем решать, что делать, чтобы дом снова стал чистым и безопасным.

– Ну на фиг это тебе? – повторил я.

– А вдруг сумеем очистить дом? – спросила она с надеждой. – Так хочется жить в чистом!

– Да он и так вроде ничо, – ответил я и постарался вспомнить, что маме не так, потом подумал, что старшее поколение почему-то достают разные надписи на стенах подъездов, лестничных площадках и в лифте, – а вообще-то делай, если время девать некуда.

Она скорбно вздохнула, я перехватил ее взгляд на толстую стопку школьных тетрадей. Я посмотрел тоже, отчего-то стало совестно, мама взглянула просительно, уже зная, что откажусь, но я сказал неожиданно:

– Приду. Посмотрю на тебя в роли старшей.

– Не смейся, – сказала она жалобно, – какая из меня старшая?

– В классе-то старшая, – возразил я.

– То в классе...

– Здесь тот же класс. Только на переменке.

Жильцы столпились в холле, и всякий, входя снаружи че-

рез парадную дверь, смотрел с недоумением, шарил взглядом в поисках трупа. Многие оставались послушать, в помещении становилось все теснее. Я видел, как с улицы сунулись двое парней, но, увидев такую толпу, поспешно отступили и почти выбежали, пряча лица.

Мама моя сперва пыталась вести собрание, но очень быстро все пришло в неуправляемое состояние, жильцы орали и доказывали друг другу, навязывали свое, отрицали чужое. Хотя в целом решили раскошелиться на входную дверь с магнитным замком и кодом, некоторые хитрецы сразу же уперлись: им-де это не надо, рассчитывая, что дверь все равно поставят, а им ключи выдадут бесплатно.

Особенно кипятился один жилец с говорящей фамилией Говнюков. Его у нас в доме считают правозащитником: он участвует во всех митингах против власти, обличает произвол и жандармизм, требует свободу политическим заключенным, превозносит победы ваххабитов в Чечне и доказывает, что русские – самые ленивые и неспособные в мире, потому Россию надо разделить на части и раздать другим народам.

– Надо быть тупоголовым русским, – орал он, забывая, что сам вроде бы русский, – чтобы всерьез полагать, будто цифровые замки помогут защитить дом! Все равно кто-то выходит, кто-то заходит. Достаточно подождать десять-пятнадцать минут, обязательно откроется дверь...

– Так это ждать надо, – возразил кто-то слабо. – Если при-

спичит, он лучше к другому подъезду пойдет...

– Вы идиоты? – спросил Говнюков патетически. – Ну да, у нас же страна такая! Замок, чтоб вы знали, электрический. Если дернуть рубильник, дом останется без света, открывай – не хочу. Еще можно отжать дверь фомкой. А если с кирпичом в руке дожидаться, когда кто-то выйдет, то кирпич можно подложить под дверь, и ни одна собака не поинтересуется, почему дверь открыта настежь, а никто мебель не носит.

Мама сказала быстро:

– Будут консьержки – будут следить, носят мебель или нет. И вообще... за входящими.

– У нас что, полицейское государство?

– При чем здесь полицейское? Просто порядок..

– Какой может быть новый порядок?

Она спросила устало:

– Что вы к словам цепляйтесь? Все равно порядок нужен...

– Да? – закричал он так, что все умолкли. – А вспомните, с чего начинали Гитлер и Муссолини? Вообще все диктаторы начинали с того, что наводили чистоту в общественных туалетах, на улицах и в подъездах!.. Нет, уж лучше жить в засранном доме, чем при фашистском режиме! Мы демократы или не демократы?

Мама сказала жалобно:

– Демократы, демократы! Но почему демократы должны жить в загаженном доме?

– Потому что загаженность – от низкого уровня культуры в целом, от недостаточного духовного развития, а жесткие меры диктаторского режима не должны... не должны иметь места!

Народ обалдело слушал да бросал отдельные реплики, мама возразила:

– Давайте вернемся к нашему дому. Ставим цифровой замок или нет?

Говнюков отрезал за всех:

– Не ставим! Это я говорю, как убежденный демократ. Нельзя ограничивать права и свободы личности. В нашей стране, что идет к правовой системе, каждый волен заходить в любой дом...

– ...и срать там, – вставил кто-то из задних рядов.

Говнюков выкрикнул раздраженно:

– Вас дурачат! Не видите? Вас всегда дурачила власть, а вы молчите! Это только кажется, что дверь открыть трудно! Надо, мол, тянуть с бычачьей силой. Но я еще неделю тому для эксперимента жвачку на электромагнит наклепил – все, входи без всякого ключа! И одни по-прежнему тупо прикладывают ключ с магнитом, другие... вон подростки сразу сообразили, все сейчас из соседних домов собираются у нас...

Он осекся, а Денис, здоровенный мужик из бывших омовцев, спросил угрожающе:

– Так это с твоей подачи под моей дверью насрали?

Говнюк ощерился:

– Докажите!

– А что доказывать? Ты сам признался!

– Вы мне не тыкайте, не тыкайте! У нас правовая страна, я вас по судам затаскаю.

Денис стиснул кулаки, каждый с бычьей головой, но жена повисла на нем, уговаривая, что с говнюками связываться – себе дороже, а Говнюков победно посмотрел по сторонам.

– Цифровые замки, – заявил он, – срать в парадной не мешают. Не верите, зайдите в любой дом, понюхайте.

Денис вполголоса ругался, а его сосед, Терентий Иванович, тихий и такой же интеллигентный, как моя мама, возразил мягко:

– Кто спорит? Вы совершенно правы. Но замок усложняет процесс проникновения в дом. Отсеивает большинство срунов. Заходят уже не те, кому надо в самом деле облегчить кишечник, а именно те, кому нужно насрать именно в этом доме, кому-то насолить. Таких намного меньше.

Говнюков возразил патетически:

– Я хочу свободы! А это ограничение моих прав как демократа.

– А квартирный замок не мешает? – спросил кто-то из собравшихся. – Или у вас дверь без замка?

– Замок на входной двери в подъезд, – продолжал Говнюков непреклонно, – мешает моим гостям приходить ко мне.

Терентий Иванович, видя поддержку, поинтересовался так же интеллигентно:

– А дергать дверную ручку, нажимать кнопку лифта, потом в самой кабине нажимать на кнопку этажа...

– Это другое дело!.. Это не ограничивает меня как демократа и члена общества защиты прав человека от человека!

Мама моя беспомощно поглядывала по сторонам, пыталась как-то вести собрание, но жильцы галдели, перебивали друг друга, наконец, когда уже все устали, даже Говнюков притих, слово взял Терентий Иванович, он как-то распрямился и заговорил веско и убедительно:

– Кто спорит, что от крутых профессиональных воров никакая дверь не защитит? Но крутые профи в наш дом и не придут, а вот всякую мелочь, которой в сто крат больше, отсеять сможет. В том числе и любителей срать в подъездах. Тем более, как выяснили исследователи, вся эта насранность, разбитые лампочки, исписанные стены, подпаленные стены и выломанные решетки в лифтах – это дело рук не жильцов, а всей дряни, что заскакивает в ближайший по дороге подъезд выпить и облегчиться.

Я помалкивал, вообще-то этот Говнюков говорит дело: сам не терплю никакого надзора. Сколько себя помню, всегда под пристальным вниманием старших: так ли одет, так ли подстригся, почему за компьютером, а не за учебниками, не с теми ребятами дружишь, не с той девочкой ходишь, не так держишь вилку, почему рубашку бросил на стул, а не повесил...

С другой стороны, мама очень переживает при виде зага-

женного подъезда и побитых зеркал в лифте. А когда вчера, выходя из кабинки, вступила в дерьмо, явно не собачье, дома, пока отмывала обувь, расплакалась и капала в чашечку с водой прозрачные капли, то ли сердечные, то ли сохраняющие нервы.

Маму я люблю, она совсем не боевая, а слабая и жалобная. Это Вован со своей на ножах, ненавидит и желает, чтобы скорее померла: у него мать – гром, коня на скаку остановит, Кабаниха, властная и крутая, все в доме должно свершаться по ее слову и указу. С такой, наверное, и я был бы в контре, не люблю ходить строем, но моя никогда мне не перечила, только вздыхала и смотрела грустными глазами, а еще тихонько плакала, стараясь, чтобы я не видел.

Хорошо, сказал я себе со злобной решительностью. Мне эта мелкота не мешает, подумаешь – насрано, но ради мамы я очищу дом от всего, что делает его не таким, как хочет мама, а хочет она всегда хорошего, я это уже знаю. Даже когда бегу со всех ног от ее «хорошего».

Собрание постепенно превращалось в полный бардак, где галдят так, что сами не слышат своего же галдежа. Я попятился к двери, вышел, вслед за мною вышла Вера Павловна, милая тихая женщина, живет двумя этажами ниже, всегда улыбается, здоровадается первой. Приученный к ее улыбке, я улыбнулся уже заранее.

На газоне перед подъездом разлеглось с полдюжины бродячих псов, еще трое-четверо бегают друг за другом даль-

ше за домами. При виде Веры Павловны эти, что на газоне, вскочили и радостно ринулись к ней, ликующе прыгали вокруг и ласкались, счастливые, как бездомные дети, которые неожиданно взяли к себе богатые и добрые люди.

Вера Павловна смеялась и гладила их. Они подпрыгивали, становились на нее передними лапами, пачкая одежду, но она не обращала на такие пустяки внимания, брала их морды в ладони и целовала в носы.

Я тоже засмотрелся, приятно видеть добрых людей, сзади скрипнула дверь, из подъезда вышел Денис-омоновец с женой и ребенком. Только спустились по ступенькам, собаки развернулись и с бешеным лаем набросились на них.

Пара псов подпрыгивали и пытались ухватить Дениса за руки. Ребенок завизжал и спрятался за маму. Мама заохала, закричала, укрывая чадо обеими конечностями.

– Уберите своих собак! – заорал Денис. – Убери, сука... а то я их всех поубиваю, и тебя, гадина, тоже...

Его жена заорала еще громче, перекрикивая лай. Вера Павловна перепугалась и пыталась утихомирить собак, но те старались выказать ей преданность и верность, бросались и лаяли, бросались и лаяли, защищая отважно и верно свою кормилицу.

Денис загородил жену, та за его спиной быстро утащила плачущего ребенка, а Денис пинками отбивался довольно успешно, но другие набрасывались сзади, слышался треск разрываемой ткани.

– Ой, ну что же это... – закричала Вера Павловна в отчаянии.

– Сука! – орал Денис. – За такие дела в тюрьме сгною!.. Они у тебя все бешеные!..

Кто-то в сторонке, не разобравшись, прокричал:

– А почему она своих собак не водит в намордниках?

– Так это бродячие, – объяснил кто-то.

– И бродячих пусть в намордники!

– Так это ж настоящие бродячие...

– Как это?

– Ну ничьи. Ничейные.

– А чего ж они ее так охраняют? Значит, это ее собаки...

Понятно, все только глазели и комментировали, давали советы, это мы все умеем, все мы такие умные, когда учим других, но никто с места не сдвинулся, чтобы помочь реально. Собаки наконец малость отступили, Денис вытащил мобильник и заявил, что вызывает милицию, санэпидемстанцию, «Скорую помощь» и комитет по надзору за бродячими животными.

Мне стало грустно, я вернулся домой, в своей комнате малость поэспериментировал с прохождением через стену на большой скорости. Обжигает так, словно я тигр, прыгающий через горящий обруч в цирке.

Поздно вечером вернулась мама, усталая до невозможности, изнуренная, будто разгружала вагоны с люминием, а то и с чунгунием. Я сам приготовил чай и бутерброды, она вяло

рассказала, чем закончилось собрание, а я поведал про собак, что так защищали Веру Павловну.

Мама вздохнула:

– У нее и муж такой... Оба хорошие, жалостливые. Начали подкармливать бродячих собак, теперь те начинают собираться у нашего дома целыми стаями. Ждут их! Понимаешь, сынок, любой собаке, как и женщине, хочется кому-то принадлежать. Особенно – сильному и доброму. Эти собаки уже считают их своими хозяевами.

– Еще бы.

– Ну а хозяев надо защищать, так собачки понимают. Вот и защищают... даже когда не надо. Просто показывают «хозяевам», как они стараются, как их любят, как их защищают.

Я спросил опасливо:

– Это и на меня кинутся?

– Вообще-то на жильцов обычно не обращают внимания, но когда выходит кто-то из их «хозяев», то стараются показать ему, что его ценят и берегут. Этим мне тоже придется заниматься, как старшей по дому: и бродячих собак жалко, и себя – тоже. А у многих еще и дети! Ты вот спишь крепко, а другим от собачьего гавка и ночью не до сна. Ночью лают на всех, кто входит в дом, к их «хозяевам». Даже пробуют не пропускать в дом!

Я пробормотал нерешительно:

– Это терпеть еще можно...

– Да? Но дальше все хуже и хуже. Со вчерашнего дня, ко-

гда Вера Павловна или ее муж идут к метро, собаки всей стаей бегут впереди и по бокам, охраняют, лают и набрасываются на всех на пути, разгоняя народ. А несчастная Вера Павловна бежит следом и кричит, вся красная от стыда: «Не бойтесь, не бойтесь, это они нас охраняют!»

Я засмеялся, представив эту сцену.

– И ничего не поделать?

Она вздохнула.

– Не знаю. Но что-то делать надо.

– Что?

– Не знаю, – повторила она убитым голосом. – Труднее всего, когда приходится останавливать хороших людей в их чрезмерной хорошестьи.

Глава 11

Я валялся на постели, мысли вяло копошатся вокруг проблем дома, а тут еще и за домом эти собаки... Мама правильно сказала про хороших людей, рука не поднимается их обидеть, но люди должны быть не только хорошими, но и уживаться, как говорят, в обществе. Насчет общества не знаю, но в нашем доме уживаться должны. А то еще и мне порвут штаны, как Денису.

Вера Павловна с мужем – хорошие люди, а если собак любят – вдвойне хорошие, а уж бродячих подкармливают, так и вовсе у них золотые души. Но все-таки люди вообще по шкале ценностей пока еще выше собак, и когда при выходе из подъезда на меня набрасывается стая остервенелого гавкающих собак, я готов их все поубивать, хотя, конечно, понимаю: охраняют дом от всех посторонних, а посторонними считают всех, кроме этих доброхотов, выносящих им остатки своего обеда.

Двери им заблокировать, пожар в квартире устроить, краны открыть или еще какую пакость, как готов сделать любому другому, не могу – хорошие люди. Но и остановить как-то надо, мне свои штаны жалко. Да и укусит если какая тварь... а когда кусается, это уже не собака, а тварь...

Раздумывал часа два, что для меня мучительно много, вечером подъехал в центр. Машину приткнул на обочине в

дворике за три квартала, ближе не нашел места. Вошел в стену, оттуда пробрался по магистралям в мэрию, а там из канцелярии отправил письмо на бланке за грозной подписью вице-мэра. Дескать, если немедленно не прекратят прикармливать собак, то их выселят из квартиры. Статья такая-то. угроза жизни и здоровью других жильцов.

В приписке еще неофициальным тоном рекомендовалось не просто перестать кормить, собаки из-за этого не уйдут, только еще больше будут набрасываться на жильцов, демонстрируя свою службу, за которую и покормить бы пора, а если и уйдут, то не скоро, потому нужно перенести кормежку в другое место. К примеру, на дальнюю пустошь, где трактора расчистили площадку под строительство детского дома для брошенных детей-бандитов, а потом, к великому облегчению жителей района, втихую свернули эту программу.

Одним из отказавшихся платить за консьержку был слесарь Шинигамов. Я пришел к нему, когда он, по обыкновению, был не то что в отключке, но вдрабадан: из ушей уже начинает выплескиваться, но он героически выливал трясущейся рукой остатки водки в граненый стакан. Россия – единственная страна, где не принято оставлять в бутылке вино или водку. Если открыл – нужно допить.

Я вышел из стены и уставился на него сурово и обвиняюще:

– Опять пьешь?

Голос постарался сделать грозным, Шигинамов затрясся и

прижался к стене. Глаза округлились, он пролепетал затравлено:

– Ты... ты кто?

– Твоя ампула! – ответил я еще грознее. – Как, нравится такой ультрасовременный метод?

Он промямлил:

– Ам... амп... ула?

– Она самая!

– Но мне уже три раза... вшивали...

– То старые образцы, – объяснил я. – А это с новым действием...

Я шагнул вперед и с удовольствием врезал по морде. Приятно дать по морде, когда чувствуешь правым и когда знаешь, что в ответ не врежут так, что зубы вылетят веером.

Голова Шинигамова дернулась, он в великом изумлении прижал ладонь к лицу, а когда отнял, там пламенеет кровь из разбитой губы.

– Что за...

Я врезал еще раз по морде и сказал строго:

– Формула Дэ с тройным действием!.. Хошь, третье действие покажу? Снимай штаны!

Он в ужасе перекрестился, пролепетал:

– Не надо!.. Не надо!.. Только не третье!

Я отступил к стене и сказал трубным голосом:

– Запомни, это было только предупреждение! Будешь дальше пить – формула Дэ с тройным действием ударит

троекратно!.. И ласты не сразу склеишь – сперва намучаешься...

Он истоиво кивал, из глаз потекли обильные слезы. Я ощутил спиной стену, начал вжиматься. Шинигамов вообще побелел и смотрел выпученными глазами. Когда из стены осталось торчать только мое лицо, я сказал зловеще, как кентервильское привидение:

– Запомни... У-у-у-у...

Первым в списке отказавшихся платить за установку настоящей железной двери с цифровым замком и за консьержку стоит рабочий строительного комбината крановщик Подгорный. Я втихую скопировал весь список, не так уж и велик, но все равно остальные не должны платить за этих хитроумов, безнаказанность чревата, вечером вышел из стены в квартире Подгорных.

В комнате вонь, смрад, пахнет гнилым и несвежим белым. Я брезгливо огляделся, как же быстро можно засрать квартиру, ну что за идиоты в мэрии, что в хороших домах, где квартиры покупают, выделять за счет муниципалитета для всякой рвани, хрущобы которых сносят?

На кухне вонь сильнее, на столе гора грязной посуды, почти все – алюминиевые миски да одноразовые из пластика. Беднота жуткая, так и хочется оставить им хотя бы сотню на столе, но под столом батарея бутылок водки, все собрать да сдать – хорошую мебель и дорогой сервиз можно купить!

Злость медленно поднималась, я осматривался уже не столько для ознакомления, сколько искал, где и как напако- стить этим гадам, пока не вернулся в комнату. В кишечни- ке некоторая тяжесть, я вспомнил, что собирался сходить в туалет, но потом забыл, сейчас же взобрался на кровать, спу- стил штаны и...

...хорошая куча получилась, быстро расплылась, как ко- ровья лепешка, на редкость вонючая, просто смердящая, больше не буду молоко с селедкой, поспешно вытер задницу одеялом, натянул штаны и торопливо пошел вдоль стены к окну. Там присел и на карачках пробрался к подоконнику, снизу поднял руку, ага, вот задвижка. Хотя дом, что напро- тив, далековато, но лучше, чтобы никто не увидел случайно. Бинобль в руках ротозея на балконе напротив – это один к миллиарду, но если есть возможность избежать риска, из- бегать надо любого, я не авантюрист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.